

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ
РУССКИХ ЦАРЕЙ

Иван Забелин

Домашняя жизнь русских царей

«ЭКСМО»

Забелин И. Е.

Домашняя жизнь русских царей / И. Е. Забелин — «Эксмо»,

Частная жизнь московских государей всегда была скрыта плотной завесой тайны от досужих посторонних глаз: гости Кремля видели только ее официальную сторону, а те, кто был в курсе ее подробностей, особой откровенностью не отличались. Поэтому книга выдающегося русского историка, археолога и коллекционера Ивана Егоровича Забелина (1820-1908) «Домашняя жизнь русских царей» без преувеличения уникальна. Внутренний распорядок, уклад быта Московского дворца, взаимоотношения его обитателей прослежены И.Е.Забелиным во всех живописных подробностях, с детальным описанием многочисленных обрядов и церемоний, а также объяснением их высшего смысла и глубинной значимости. Книга И.Е.Забелина основана на подлинном историческом материале, с которым ученый имел возможность познакомиться, долгие годы работая в архиве Оружейной палаты Московского Кремля. Герои этой книги, а также окружавшие их интерьеры, предметы обихода, архитектурные памятники, в том числе не сохранившиеся до нашего времени, представлены в многочисленных иллюстрациях, сопровождающих это издание.

© Забелин И. Е.

© Эксмо

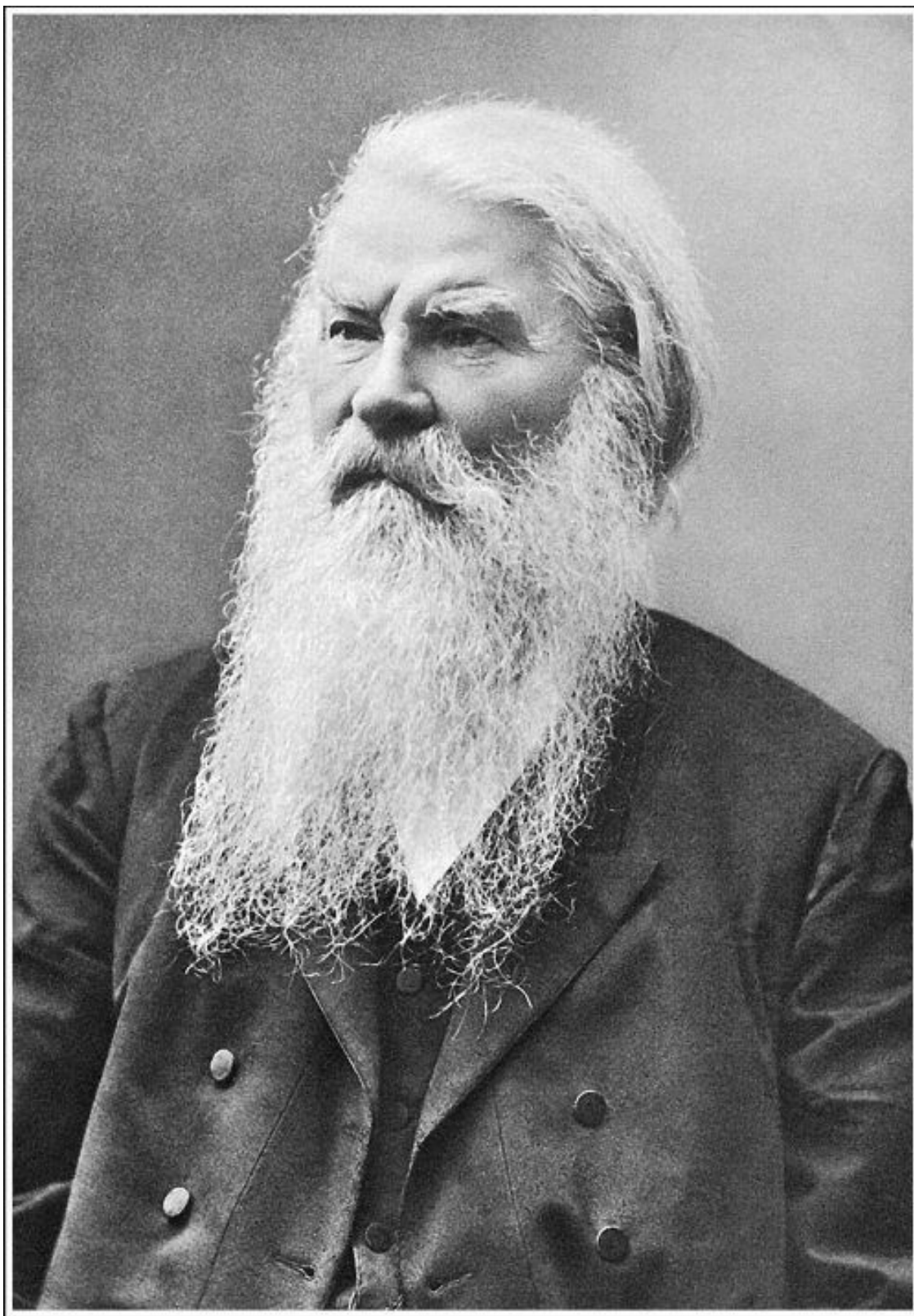
Содержание

Об авторе этой книги	5
Том I	9
Глава I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Иван Егорович Забелин

Домашняя жизнь русских царей

Об авторе этой книги

Иван Егорович Забелин (1820—1908), выдающийся русский историк и археолог, член-корреспондент (1884), почетный член (1907) Петербургской Академии наук, родился в Твери, в семье бедного чиновника. Его отец, Егор Степанович, служил в должности писца в городской Казенной палате и имел чин коллежского регистратора – самый младший гражданский чин 14-го класса.

Вскоре отец И. Е. Забелина получил должность в Московском губернском правлении, и семья Забелиных перебралась в Москву. Казалось, все складывалось как нельзя лучше, однако отец будущего ученого неожиданно умер, когда Ивану едва исполнилось семь лет; с этих пор в их доме надолго поселилась нужда. Поэтому и образование он смог получить только в Преображенском сиротском училище (1832–1837), где царили «старозаветные, спартанские, суровые и жестокие» методы воспитания. Впрочем, он был любознательным юношей и даже казенная атмосфера сиротского училища не помешала ему увлечься чтением и познакомиться со многими книгами, сыгравшими немаловажную роль в его дальнейшей судьбе.

После окончания училища в 1837 г. Забелин, не имея возможности, из-за своего материального положения, продолжить образование, поступил на службу в Оружейную палату Московского Кремля канцелярским служителем второго разряда. В то время Оружейная палата была не только музеем – в ней находился также богатый архив исторических документов. Иван Забелин не был историком по образованию, однако изучение документов о старинном быте Московской Руси увлекло его, и он всерьез занялся историческими исследованиями.

В 1840 г. он написал свою первую статью – о путешествиях царской семьи в XVII в. на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, – которая была напечатана в приложениях к «Московским ведомостям» только в 1842 г. За ней последовали другие труды – к концу 40-х гг. Забелин имел уже около 40 научных работ и был принят как равный в кругу московских историков-профессионалов. Однако читать лекции, например в Московский университет, его так и не пригласили, поскольку у ученого-практика отсутствовало университетское образование. Впоследствии Киевский университет присвоил Забелину профессорское звание по совокупности его научных трудов; только в 80-е годы он стал почетным доктором Московского и Петербургского университетов.

Работая в Оружейной палате, Забелин собирал и обрабатывал материалы по истории царского быта, а затем публиковал их в журнале «Отечественные записки» (1851–1857). В 1862 г. эти статьи вышли отдельным изданием под заглавием «Домашний быт русских царей в XVI и XVII вв.»; в 1869 г. увидел свет 2-й том – «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII вв.».

Жизнь Московского дворца была прослежена в этих книгах во всей ее повседневной конкретности, с детальным описанием церемониалов и обрядности. обстоятельное исследование обряда жизни царя и царицы переплетается с важными для отечественной исторической науки обобщениями о значении Москвы как вотчинного города, о роли государева дворца, о положении женщины в древней России (глава об этом вопросе издана отдельно в «Дешевой библиотеке» Суворина), о влиянии византийской культуры, о родовой общине.

Продолжением главы I «Домашнего быта русских царей» стала интереснейшая работа «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве», опубликованная в журнале «Вестник Европы» в начале 1871 г.

В 1848 г. Забелин получил место помощника архивариуса в дворцовой конторе, а еще через восемь лет стал архивариусом. В 1859 г. он перешел в Императорскую археологическую комиссию, где ему были поручены раскопки скифских курганов в Екатеринославской губернии и на Таманском полуострове, близ Керчи, в ходе которых было сделано множество ценных находок. Результаты этих раскопок Забелин описал в работе «Древности Геродотовой Скифии» (1872) и в отчетах Археологической комиссии.

В 1879 г. Забелин был избран председателем Общества истории и древности и затем товарищем (заместителем) председателя Исторического музея. С 1872 г. он входил в комиссию по постройке здания Исторического музея в Москве, а с 1883 г. и до конца жизни он был бессменным товарищем председателя музея. Поскольку председателем был московский губернатор, великий князь Сергей Александрович, Забелин стал фактическим руководителем музея, заботливо следившим за пополнением его фондов.

Забелин и сам всю жизнь занимался коллекционированием. В его обширное собрание входили рукописи, карты, иконы, эстампы, нумизматика. После смерти ученого вся его коллекция, в соответствии с завещанием, была передана в Исторический музей.

Исследования Забелина были посвящены в основном эпохе Киевской Руси и Московскому периоду русской истории. Глубокое знакомство со стариной и любовь к ней нашли отражение в языке сочинений Забелина, выразительном, оригинальном, необыкновенно красочном и богатом. Во всех его работах также отчетливо заметна характерная для этого незаурядного ученого-самоучки вера в самобытные творческие силы русского народа и любовь к нему, «крепкому и здоровому нравственно народу-сироте, народу-кормильцу». Или, если вспомнить его собственные слова: «Нельзя делить Русь на столетия механически, Русь есть живое, образное пространство».

Вадим Татаринов

Том I

Глава I

Государев двор, или дворец. Общий обзор

Вступление.— Общее понятие о княжеском дворе в Древней Руси.— Двор первых московских князей.— Общий обзор древних хоромных построек в Великой Руси.— Способы построек, или плотницкое дело.— Состав деревянного государева дворца.— Каменный дворец, воздвигнутый в конце XV века.— Его расположение в начале XVI века.— История дворца при Иване Васильевиче Грозном и его преемниках.— Дворцовые здания в Смутное время.— Обновление дворца и новые постройки при Михаиле Федоровиче.— Новые украшения дворца при Алексее Михайловиче.— Расширение и украшение дворца при Федоре Алексеевиче и в правление царевны Софьи.— Расположение дворца и его состав в конце XVII ст.— Запустение и постепенное разрушение дворцовых зданий в XVIII ст.

Старый русский домашний быт и особенно быт русского великого государя со всеми своими уставами, положениями, формами, распорядком наиболее полно сложился к концу XVII ст. Это была эпоха последних дней нашей домашней и общественной старины, когда все, чем была сильна и богата эта старина, высказалось и оформилось в таких образах и формах, с которыми по тому же пути дальше было идти невозможно. Москва, самая жизнеспособная в Старой Руси, в эту замечательную и любопытную эпоху отживала свой век при полном господстве исторического начала, которое ею было выработано и водворение которого в жизнь стоило стольких жертв и такой долгой и упорной борьбы. Политическое единство Русской земли, к которому неизбежно вели московские стремления и предания, являлось уже неоспоримым и несомненным делом и в умах самого народа, и для всех соседей, когда-либо протягивавших руку к нашим землям. Представитель этого единства, московский великий государь, самодержец всея Руси, стал в отношении к земству¹ на недостижимую высоту, о которой едва ли помышляли наши далекие предки.

Похороны древнеславянского князя. С фрески Г. Семирадского

Ничего соответствующего этому «пресветлому царскому величеству» в древней нашей жизни мы не видим. Правда, идея царя была хорошо знакома нам еще с первых веков нашей истории, особенно когда деятельны были наши связи с Византией. Царь греческий представлялся для нас типом самодержавной, ничем не ограниченной власти, типом высокого и великого сана, к которому доступ сопровождался изумительной для простых глаз торжественностью и обстановкой несказанного блеска и великолепия. Обо всем этом мы получили достаточное понятие еще со времени варяжских походов на Царьград². Понятие это не угасало и в последующие века, особенно распространяемое духовенством, греческим и русским, в связи с их частыми отношениями с Царьградом. Книжные люди тех веков, обыкновенно тоже церковники, изредка приписывали этот титул и русским князьям из желания наиболее возвысить их сан и значение, по крайней мере в собственных глазах, из желания сказать нечто верноподданническое в похвалу доброму князю.

Позднее тем же титулом мы стали величать царя Ордынского, потому что как же иначе, т. е. понятнее для всех, могли мы обозначить характер ханской власти и характер его господства над нашей землей. Новое явление мы назвали соответственным ему именем, которое как представление давно уже существовало в умах, с давнего времени соединяясь с довольно определенным и знакомым всем понятием. У себя дома, среди своих князей, мы не находили ничего соответствующего этому имени. И если иногда называли их так, то, как мы упомянули, единственно из особой угодливости и подобию, которыми большей частью руководилась в своих похвальных словах наша старинная книжность. Тип великого князя Древней Руси не был очерчен резко и определенно. Он терялся среди собственно княжеского рода, дружинников и вечевых городов, пользовавшихся почти равной самостоятельностью голоса, власти и действий. Черты этого типа пропадают в общем строе земли. Он не вдруг приобретает даже имя великого и просто именуется «князем» с прибавлением изредка титула «господин», что показывало только вообще властное его значение. Книжники, вспоминая апостольское писа-

ние, присваивают ему иногда значение «божьего слуги», который «не напрасно меч носит, но в месть злодеям, в похвалу же добродеем». Именуют его «главою земли»; но это были представления отвлеченные, собственно книжные; в действительной жизни им мало внимали.

С именем князя повседневные понятия времени соединяли только значение главного судьи и воеводы, хранителя правды и первого воина земли. Когда правда нарушалась поступками князя, он терял доверие, лишался княжества, а иногда и самой жизни. Вообще он был «стражем Русской земли» от врагов внутренних, домашних, и от врагов иноплеменных. За то земля его кормила, и он сам не простирает своих видов дальше права на это кормление. Кормление вместе с тем условливало общее владение землею в княжеском роду и, следовательно, личную зависимость князя, хотя бы и великого, не только от родичей, но даже и от дружинников, потому что и те были участниками кормления и общинного владения землею, участниками в оберегании правды и в защите земли от врагов. Понятно, почему великий князь и для земства становился не более чем наместником, не главой земли, а главой таких же наместников, вождем дружины; понятно, почему и отношения его к земству были так непосредственны и просты. В те простодушные века очень часто слышались на вечевых сходах оживленные речи и споры, в которых люди веча и князь высказывают какие-то братские, совершенно равные отношения. Не станем говорить о том, насколько в этих оживленных беседах обнаруживается сознательно выработанные определения жизни. Может быть, здесь в большей мере высказывается лишь простодушное и прямодушное наивное детство общественного развития, каким отличается вообще первое время в жизни всех исторических народов.

«А мы тебе кланяемся, княже, а по-твоему не хотим» – вот стереотипная фраза, которой выражалось несогласие с княжескими требованиями и притязаниями, выражалось вообще самостоятельное, независимое решение дела. «Тобе ся, княже, кланяем» значило то же, что «ты себе, а мы себе», что по-твоему не сделается. Князя, со своей стороны, людей веча не называют ребятами, а обращаются к ним с обыкновенным народным приветом: «Братье!». Так, «Братья моя милая!» – взывает к новгородцам древний Ярослав³, прося помощи на Святополка⁴; «Братья володимерцы!» – взывает князь Юрий⁵, прося защиты у владимирцев; «Братья мужи псковичи! Кто стар, то отец, кто млад, той брат!» – восклицает Довмонт Псковский⁶, призывая псковичей на защиту отечества. Все эти речи характеризуют древнейшие княжеские отношения к земству, выясняющие тип древнего князя, каким он являлся в действительности, в народных понятиях и представлениях.

Какое неизмеримое отличие этого типа от другого, который именовался впоследствии великим государем и к концу XVII ст. принужден был обязать народ под страхом великой опалы писать ему в челобитных: «Умилосердися, яко Бог» или: «Работаю я, холоп ваш, вам, великим государем, яко Богу». Много нужно было времени, а еще более гнетущих обстоятельств, чтобы жизнь привела народные понятия к такому унижению. Новый тип созидался постепенно, шаг за шагом, под гнетом событий, под влиянием новых жизненных начал и книжных учений, распространявших и утверждавших его.

Несмотря, однако ж, на расстояние, которое отделило каждого земца от «пресветлого царского величества», несмотря на порядки быта, по-видимому, настолько отличающиеся и чуждые преданиям древности, великий государь, при всей высоте политического значения, ни на волос не удалился от народных корней. В своей жизни, в своем домашнем быту он останется вполне народным типом хозяина, главы дома, типическим явлением того строя жизни, который служит основой экономического, хозяйского быта во всем народе. Одни и те же понятия и даже уровень образования, одни привычки, вкусы, обычаи, домашние порядки, предания и верования, одни нравы – вот что равняло быт государя не только с боярским, но и с кре-

стьянским бытом. Отличие обнаруживалось только в большем просторе, в большей расслабленности, с которой проходила жизнь во дворце, а главное – в богатстве, в количестве золота и всяких драгоценностей, всяких *цат*?, в которых, по мнению века, несравненно достойнее представлялся всякий сан, а тем более сан государя. Но это был только наряд жизни, нисколько не изменявший ее существенных сторон, уставов и положений, и не только в нравственной, но и в материальной среде. Крестьянская изба, срубленная во дворце, для государева житья, убранная богатыми тканями, раззолоченная, расписанная, все-таки оставалась избой в своем устройстве, с теми же лавками, коником⁸, передним углом, с той же мерой в полтрети сажени, сохраняя даже общенародное имя избы. Стало быть, жизнь во дворце, по существу потребностей, нисколько не была шире жизни в крестьянской избе; стало быть, тамошние начала жизни находили себе вполне соответствующий, наиболее подходящий источник в той же избе.

Сам титул царя: великий государь – может отчасти раскрыть, что новый тип политической власти вырос «на старом кореню». Первоначальное значение слова «государь» было затемнено, особенно в позднейшую эпоху, неимоверным распространением этого значения в политическом смысле, а вместе с тем – заученными понятиями и представлениями о государстве и государе как отвлеченных теоретических идеях, о которых наша древняя действительность, почти до самой реформы, очень мало или и вовсе не мыслила. Только во второй половине XVII ст. мелькает мысль о *вотчем народе*, как говаривал царь Алексей, все еще считавший Московское государство своей вотчиной⁹.

Прежде всего нужно заметить, что в древнее время титулов в собственном смысле не существовало. Все теперешние титулы есть, собственно, исторические памятники давней действительности, смысл которой трудно воскресить. Между тем в древности каждое имя заключало в себе живой, действующий смысл. Так, слово «князь», которым земля именovala каждое лицо, принадлежавшее роду Рюрика, было словом, вполне и точно определявшим истинный, живой смысл, какой возникал из характера княжеских отношений к земле. Права, достоинство князя как известного общественного типа были достоянием только лиц княжеского же рода и никому другому не могли принадлежать. Когда род увеличился и простое обычное достоинство князя потребовалось возвысить для лиц, стоявших почему-либо впереди и, следовательно, выше других, тотчас же к имени «князь» стали прибавлять прилагательное «великий», что значило «старший». Этим титулом жизнь обозначила, что достоинство князя, от раздробления на мелкие части, утратило прежнее значение, измельчало, износилось и что, следовательно, наступила новая фаза в развитии княжеских отношений. Тот же путь прошел и титул великого князя. Сначала он обозначал только старшего во всем роду, позже – старшего в своей волости, а к концу фазы почти все князья, имеющие самостоятельные владения, стали именоваться великими. Таким образом, снова обнаружилось измельчание великокняжеского достоинства.

В. Васнецов. Призвание варягов

К XV веку не только тверской или рязанский, но даже и пронский князь уже именует себя великим князем, и именно в то время, когда поступает в подручники, в службу господину *осподарю* (Витовту). Это новое имя явилось на смену прежнего, отжившего имени и начало новую фазу развития земских понятий о достоинстве князя. Понятие «осподарь, государь» развилось уже на иностранной почве, из элементов, которые были выработаны самой жизнью. Оно, по свойству своих жизненных сил, уже в самом начале показывало, что стремится совсем упразднить первоначальное общее, и притом пришлое достоинство князя, упразднить само понятие об этом достоинстве, что в точности и случилось, когда эта фаза достигла полного развития. В XVII ст. многие князья рода Рюрика смешались с земством и навеки забыли о своем княжеском происхождении. Таким образом, тип древнего князя, переходя в своем развитии из фазы в фазу, к концу пути вовсе разложился, угас, оставив от себя одно имя как исторический памятник.

В древнейших жизненных отношениях рядом с именем «князь» существовало другое, такое же типичное имя «государь». Вначале оно служило названием частной, домашней жизни, наименованием хозяина-собственника и, само собой разумеется, отца семейства, главы дома. Еще в «Русской Правде» словом «государь, осподарь» обозначается, вместе со словом «господин», хозяин собственности, домовладелец, вотчинник, вообще «сам», как часто теперь выражаются о хозяине и как в древности выражались о князьях, державших свою независимую волость, именую их самодержцами. «Основой» называлась семья в смысле независимого самостоятельного хозяйства, которое и до сих пор на юге носит название осподы, господарства. «Господою» называется Новгород в смысле правительственной, судной власти; «осподою» назывались собирательно судьи, начальство и вообще господская власть. «Господарь», следовательно, было лицо, совмещавшее в своем значении понятия о главе дома, о непосредственном правителе, судье, владельце и распорядителе своего хозяйства.

В. Васнецов. Двор удельного князя

Домострой XVI века для наименования хозяина и хозяйки не знает другого слова, как «государь», «государыня» (изредка также «господарь, государыня»). Свадебные песни величают «государем» батюшку, «государыней» – матушку. В том же смысле московские удельные именуют своего отца и мать «князь», не придавая еще этого титула великому князю и чувствуя его только именем «господин».

Приводя эти указания, мы желаем только напомнить, что именем «государь» обозначался известный тип жизненных отношений, именно властный, оборотная сторона которого выставляла противоположный тип раба, холопа или вообще слуги. «Осподарь» был не мыслим без холопа, так как и холоп не был бы понятен без осподаря. Как тип частного, собственно домашнего строя жизни, он существовал везде, во всех народностях и во все времена, существует повсюду и в наши дни, более или менее смягченный распространением гуманного, то есть христианского просвещения. Почти везде этот тип пересилил другие общественные формы быта и стал во главе политического устройства земли как исключительное, единственное жизненное начало. Естественная его сила всегда сохранялась в народных корнях, в господстве того же типа в частной, домашней жизни, в понятиях и представлениях народной массы. Изменялось свойство этих корней, изменялся в своем виде и характере и этот тип.

Когда в древнекняжеских отношениях общее владение землею и частый передел этого общего владения отжили свое время, а земство еще не успело выработать себе прочной политической формы, которая могла бы как твердыня защищать его от княжеских захватов и отчинных притязаний, князья мало-помалу, по праву наследства, стали делаться полными собственниками своих наследственных волостей, а вместе с тем, по естественной причине, стали приобретать и новый титул, обозначающий очень верно существо самого дела, т. е. их новое отношение к народу.

Угощение митрополита и его причта князем (Из «Сказания о Борисе и Глебе»)

Народ, вместо изветшавшего, уже только почетного титула «господин», начал называть их «государями» т. е. не временными, а полными и независимыми хозяевами собственности. Прежний титул «господин», сделавшийся выражением обыкновенной вежливости и почтения, имел и в самом начале довольно общее значение, по крайней мере, более общее, чем слово «государь», которое в отношении к слову «господин» точно так же обнаруживало новую фазу в развитии «господина», т. е. вообще лица властвующего, и в первое время не было даже и титулом.

Перенесение мощей (Из «Сказания о Борисе и Глебе»)

Оно очень определенно и точно обозначало известный всем предмет, известный склад жизни, известный разряд людей, пользовавшихся самостоятельным исключительным значением, и потому с такой разборчивостью отличалось от титула «господин», особенно в то время, когда в политических земских отношениях это различие сделалось слишком очевидным, а именно в период борьбы Новгорода с Москвой. Если «господином» — наша древность называла князя и вообще всякое почетное и почему-либо высшее лицо, то «государем» она обозначала по преимуществу только лицо владеющее, самодержавное в отношении его хозяйства, его семьи и собственности. Вот почему к имени «осподарь» стали прибавлять и титул господина:

«господин государь Новгород Великий», «господин государь князь великий Московский».

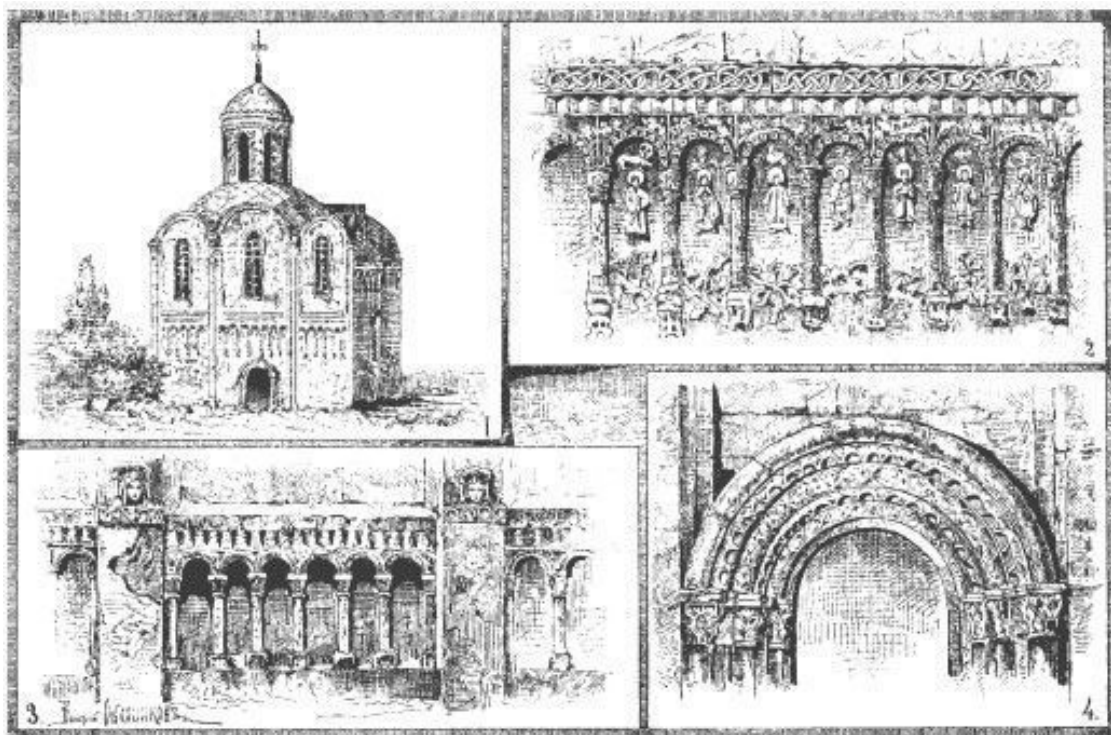
В частной сфере каждый хозяин дома был таким «осподарем» — самовластителем, и против этого не только никто не спорил, но всякий старался, с помощью предания и книжного учения, поддерживать и распространять такое значение владыки дома. Когда же это господарское начало явилось действующим и в сфере общих земских отношений, его не поняли или, вернее, не желали понимать. Отсюда-то и выходила борьба отдельных вотчинников — князей отдельных самостоятельных волостей, или земель, борьба, более или менее продолжительная и суровая, в зависимости от того, где она возникала, т. е. где памятнее и крепче была вечевая или господарская старина.

В замене прежнего выражения «княжить», которым обозначали свойство, характер княжеских отношений к народу, явилось новое слово «государить», выражавшее совсем иной смысл, иной характер этих отношений. Точно так же и слово «княжество», определявшее деятельность, строй и порядок тех же отношений, а вместе с тем и саму землю, на которую распространялась эта деятельность, заменено было новым — «государство», имевшим новый смысл, весьма отличающийся от прежнего. Дальнейшее политическое развитие присвоило этому последнему слову гораздо более общее значение, упразднив в его значении все личное, частное, так сказать, местное, именно то понятие, с каким великий князь Иван Васильевич вопрошал новгородцев, «какого они хотят государства?».

Как только идея господства распространилась по всей земле и все самостоятельные князья-вотчинники стали именоваться государями, когда даже и самому Новгороду уже присваивался титул господина-государя, тотчас же потребовалось отличить первенствующего государя от остальных, на которых этот первенствующий имел вотчинные права и смотрел как на подчиненных. Подобно тому как в прежнее время старший из князей приобретал, в отличие от младших, титул великого, так старший, главный государь, государь над государями, стал именоваться великим государем, также великим государем земским, когда его хотели отличить от других государей, имевших частное значение, каковы, например, были митрополиты и архиепископы, которым народ также присваивал титул государей и осподарей; наконец, великим государем Русским, *всея Руси*

Значение такого государя над государями приобрел, как известно, государь Московский. Но, как ни высоко было это, уже политическое, значение титула, существенный его смысл несколько не изменился и оставался долго тем же, чем был вначале, т. е. чем был в частном домашнем быту народа. Великий государь Московский с распространением своего политического могущества, присоединив к прежним новые, более соответственные своему значению, титулы царя и самодержца, на деле, в действительности, оставался все тем же государем, осподарем.

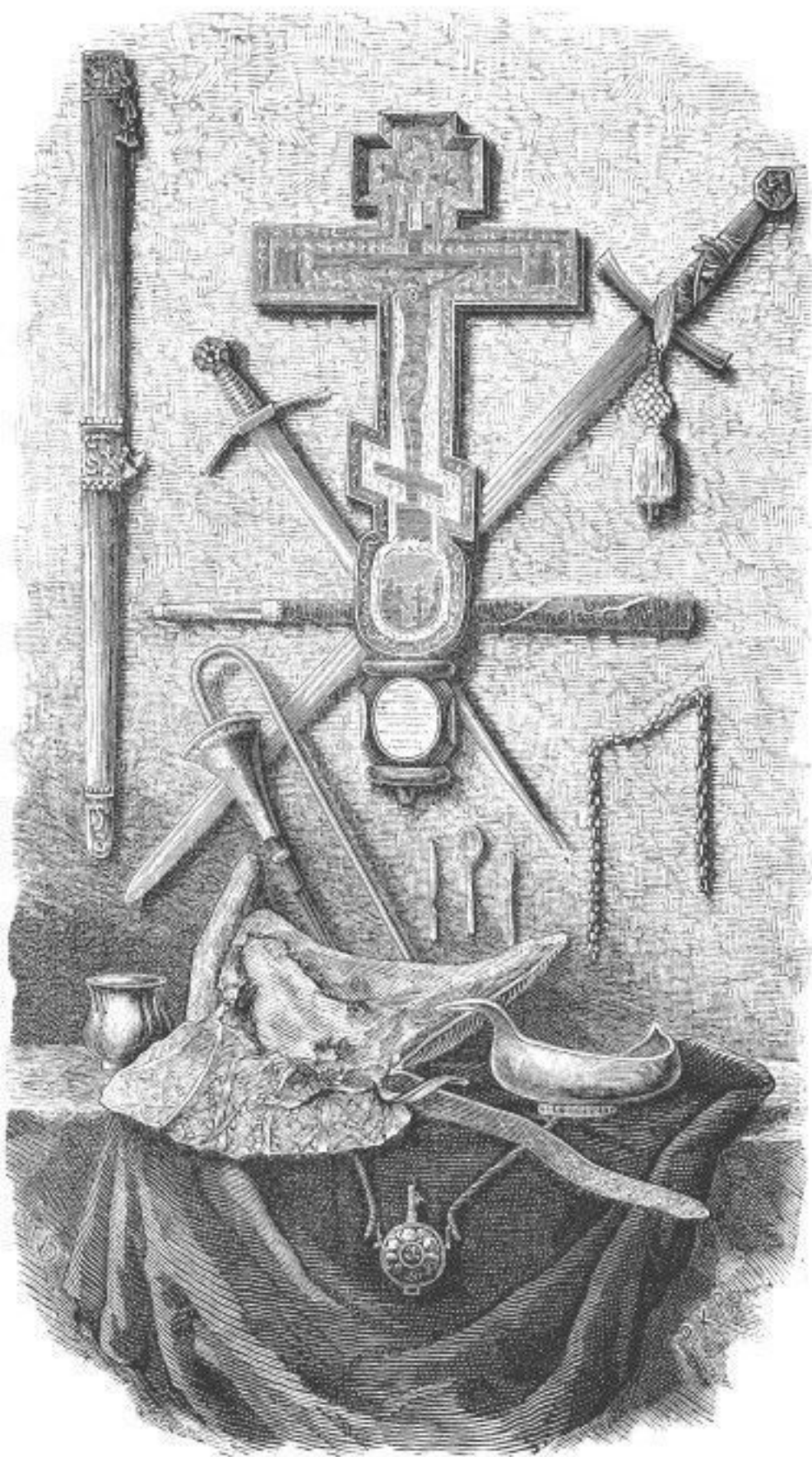
Владимирские древности (*Владимир-на-Клязьме*):

1. Дмитровский собор XII в., построенный великим князем Всеволодом Георгиевичем в 1194 г. и реставрированный в царствование императора Александра II. 2, 3, 4. Архитектурные украшения владимирских и суздальских храмов

Мы хотим сказать, что в простом и удобопонятном, а главное, наиболее точном и верном смысле, это был помещик с широкими царственными размерами жизни, которые явились почти незаметно, сами собой, как необходимое, совершенно неизбежное условие новых политических отношений и потребностей. При этом нельзя забывать, что новые потребности и отношения развились по преимуществу на почве иностранных отношений, на почве жизни с соседями. Дома, в отношении к народу, они никогда не могли бы вырасти с такой силой и

с таким размахом. Здесь, как всегда и во всем, большом и малом, выразилось простое повседневное стремление казаться перед другими более достойным. Лишь для чужих нужно было представлять это необыкновенное величие сана, обставлять азиатскими декорациями, торжественностью, блеском каждый шаг, особенно в приемах и проводах иноземных послов и гостей. Только перед чужими нужно было возноситься, проявлять свое могущество, неисчислимое богатство,— одним словом, показывать себя с достоинством, которое возвышало бы значение, силу и славу народа.

Действительно, царственная обстановка московского государя, царственные формы и порядки его быта, как и высота его сана, вырастают постепенно, по мере того, как усложняются, развиваются наши заграничные отношения, по мере встреч, знакомств и столкновений в общей политике иностранных государств, а особенно наших соседей, перед которыми Москва никогда не думала выглядеть отстающей. Ее задачей было во что бы то ни стало перегнать этих соседей, для начала хотя бы внешним величием, внешним могуществом, ибо о могуществе внутреннего развития тогда и соседи мало еще помышляли.

Новгородские древности. Гравюра XIX в.

Отличительная черта ее политики именно в том и заключается, что она привыкла во всех трудных обстоятельствах больше надеяться на себя, на собственные силы и средства, не отыскивая опоры где-нибудь по сторонам. Этим-то путем и было достигнуто политическое могущество и первенство.

Но, как ни были широки и царственны размеры быта, усвоенные по этому пути московским государем, в общих чертах, в общих положениях быта и даже в мелких частностях, они нисколько не удалились от обычных исконных, типичных очертаний русской жизни. Московский государь оставался тем же князем-вотчинником, которым почти за четыреста лет до реформы он начал свой исторический подвиг.

Вотчинный тип отражался на всех мелочах и порядках его домашней жизни и домашнего хозяйства. Это был простой деревенский, следовательно, чисто русский быт, нисколько не отличавшийся, в основных чертах, от быта крестьянского, свято сохранявший все обычаи и предания, весь строй и все начала древней русской жизни в той ее форме, какая была выработана веками для отдельного, единичного частного хозяйства и домоводства, для отдельного, независимого существования русской семьи, более или менее зажиточной и домовитой. Сквозь по-азиатски великолепные, ослеплявшие блеском и богатством декорации царственного сана виднелась до крайности простая и наивная, свойственная всему народу действительность, равнявшая в этом смысле особу государя с последним сиротой его государства, т. е. со всяким хозяином-домовладельцем из посадских слобод и крестьянских деревень, не говоря уже о помещиках и вотчинниках из служилого сословия, где тип государя-хозяина являлся основным определением жизни и всех условий быта. Иначе, впрочем, и не могло быть, ибо начала, истоки жизни были по всей Русской земле одни и те же; и там, и здесь, на севере, как и на юге, ничем существенно не различались и потому складывались в один и тот же строй и порядок, в одну и ту же форму. Спешим оговориться и напомнить, что здесь мы говорим не об общественных политических началах жизни, а только о домашних, о началах жизни единичной, а не общей; только о доме, о дворе.

Сама так называемая государственная служба, в простом смысле, представляла только вид службы вотчиннику, службы лицу, а не отвлеченному понятию Отечества или государства. Быстрое развитие вотчинного типа на московской почве втянуло в себя и древнее дружинное начало, пользовавшееся до того времени равным правом самобытности и самостоятельности. Друзья-товарищи походов очень скоро обратились в слуг, и имя слуги сделалось самой высшей наградой за службу вообще. Древнее выражение «страдать за Русскую землю» заменилось новым: «служить Государю».

Таким образом, то, что в древнее время представляло только условие частной домашней жизни, условие, не имевшее никакого особенного значения для земства, а именно – служба лицу, с развитием вотчинности, или господарства, приобретает, вместе с лицом самого господаря, общеполитическое значение. Княжеские дворцы, княжеские слуги, вытесняют дружинников, становятся впереди, потому что впереди всей земли становится и тип вотчинника-господаря, не признававший, по существу своих стремлений, никаких других прав и преимуществ, смотревший на все с точки зрения полного самовластительного владыки и хозяина. Дружинное начало, за которое так держались древние князья-дружинники, так чествовали и берегли его, видя в нем почти единственную опору для своих отношений к народу, князь-вотчинник признает чуждой, непонятной и враждебной формой жизни и прилагает отчаянные усилия, чтобы искоренить и саму память о нем. Он чествует и бережет только верных, прямых своих слуг и вносит в уже ветхую среду славной и сильной некогда дружины имя слуги как высшую почесть.

Торжество господарских идей вполне выразилось в понятиях, поступках и убеждениях грозного царя Ивана Васильевича, характер которого будет еще понятнее, если мы представим его обыкновенным вотчинником-господарем, каких и в его время, и в гораздо более позднюю эпоху было немало в Русской земле. Он не слишком понятен для нас лишь по размеру, в котором обнаружились господарские стремления, требования и поступки. Его приснопамятная челобитная к великому князю всея Руси Симеону Бекбулатовичу, в которой он именует себя Иванцом Васильевым Московским, раскрывает до очевидности господарский взгляд и на служилое сословие народа.

Этот Иванец *«бьет челом, просит милости освободить его перебрать людишек бояр и дворян,, и детей боярских и дворовых людишек: чтоб иных прочь отослать, а иных оставить... освободить его выбирать и принимать из всяких людей... Просит указать, как ему своих мелких людишек держати, просто, без крепостных записей, или велишь на них полные (кабалы) имати»*,

—

заключает челобитчик, выражая тем в полной мере свой господарский крепостнический взгляд на боярство.

Действительно, служба бояр и вообще сановников по существу была тем же, чем служба домовных людей. Они были обязаны служить до последней физической возможности, обязаны были каждый день с утра рано являться во дворец, челом ударить государю, и их без причины поздний приезд всегда влек за собою гнев и немилость государя. Без спроса у государя они не смели выехать из Москвы даже в ближайшие свои подгородные села и дачи, хотя бы на один только день, для гулянья или для какого дела. «Да не токмо для гулянья своего отпрашиваются,— присовокупляет Котошихин¹⁰,— но, когда прилучится им которого дни друг у друга быти в гостях, на свадьбе, или на крестинах, или на именинах, и они отпрашиваются по такому ж обычаю». Царь Алексей Михайлович в своей шуточной челобитной к боярам, зовя их на медведя, залегшего в селе Озерецком, и прося непременно приехать на охоту, делает в шутках каждому попреки, кого чем одолжал:

«А я всем вам *поступался, кто о чем бил челом*»,— и, обращаясь между прочим к князю Куракину, замечает: «А ты, боярин князь Федор Семенович, *бывал челом по части в деревню, и я тебя всегда жаловал, отпускал... и вы папаятуйте все скорую мою милость к себе...*»

Некоторые свадебные чины XVI ст. указывают, что без спроса у государя бояре едва ли могли жениться, женить своих сыновей и выдавать замуж дочерей. По крайней мере, они также строго соблюдали обычай являться к государю на другой день свадьбы со всем свадебным поездом. Узрев государя, сидевшего в шапке, все кланялись в землю. Государь спрашивал про женихово и про невестино здоровье, причем жених опять кланялся в землю. Царь благословлял молодых иконами, наделял их дарами и угощал весь поезд романеей¹¹ и медом.

Царь Алексей Михайлович в молодости

В свои именины каждый боярин ехал к государю челом ударить и подносил ему свой именинный калач. С такими же калачами он обходил все царское семейство, подносил царице, царевичам и царевнам. То же самое делали жены и дочери бояр на царицыной половине. Бояре и все сановники вменяли себе в особую честь и почесть получать каждый день с царского стола, от обеда и от ужина, поденную подачу и ставили себе в большое бесчестье, когда эта подача, по ошибке или по какой другой причине, до них не доходила, размышляя, что ни царского гнева над собой, ни вины за собой не ведают, а в подаче перед своей братией обещаны. Строгость наказаний (батоги, тюрьма) за подобные неисправности в рассылке подач указывает, как важно было значение их для боярской чести и спеси. Все это черты обыкновенного повседневного

вотчинного быта, которые идут из глубокой древности, из первобытных патриархальных отношений господаря-домовладыки к своим домочадцам.

Боярская одежда XVI—XVII вв.

Вотчиннический, господарский тип московских князей обозначился даже в самом устройстве их стольного города Москвы. В сущности это была помещичья усадьба, обширный вотчинников двор, стоявший среди деревень и слобод, которые почти все имели какое-либо служебное назначение в вотчинниковом хозяйстве, в потребностях его дома и домашнего обихода.

Некоторые иностранцы, бывавшие в Москве в XVI и XVII ст., вовсе не ошибались, когда весь Кремль принимали за царский дворец, говоря, что он обнесен каменной стеной. Действительно, первой основой Кремля, а стало быть, всей Москвы, был княжий двор или, в самое древнее время, княжий стан с необходимыми хоромами, или клетями, на случай приезда. Когда князья переехали в эту усадьбу на постоянное жилье, она стала мало-помалу обстраиваться и увеличиваться. Возле двора была построена церковь (Благовещения-на-Сенях), как было в Древней Руси у всякого княжьего двора и как впоследствии было почти у всякого сколько-нибудь зажиточного вотчинникова двора. Вблизи двора, в разных местах, находились службы и дома дворовых людей, также со службами. Вот первоначальная Москва, основной камень ее распространения и устройства. Условия нашего древнего общества, особенно при владычестве татар, были таковы, что без стены или какого-либо тына — острога — вокруг подобной усадьбы спокойно и безопасно жить было нельзя. Страшны были не только иноплеменные, но еще больше — свои, одноплеменные, враги.

А. Васнецов. Основание Москвы.

Постройки первых стен Кремля Юрием Долгоруким в 1156 г. 1917 г.

Известно, что в Древней Руси даже каждый монастырь был обнесен хотя бы деревянной стеной. Сначала, без сомнения, и Москва была обнесена тыном. Но уже в 1156 г. вел кн. Юрий Долгорукий закладывает Москву – град на устье реки Неглинной, выше реки Яузы. Град, город в древнем смысле, означает стены, следовательно, первые московские городские стены были построены в 1156 г. Первый значительно разбогатевший московский вотчинник, Иван Данилович Калита¹², рубит на месте погоревшей новую дубовую стену города (1339), остатки которой, толстые дубовые бревна, при последних перестройках кремлевских зданий были найдены в земле со стороны Неглинной. Внук Калиты, еще более разбогатевший и усилившийся, закладывает стену из белого камня (1367). Но богатство, сила и хозяйство растет, ширится, привлекает население. У стены возникают торговые и ремесленные слободы, возникает целый посад на берегу реки, пониже княжеского двора, ибо торговая дорога идет снизу судоходством по реке. Между тем через сто лет каменные стены уже обветшали, и сама черта города для раздобревшей жизни стала тесноватой. Великий князь Иван Васильевич строит новый город, т. е. собственно стены, и строит не на прежней основе, а с прибавкой, т. е. расширяет место и, сверх того, укрепляет город бойницами, стрельницами, тайниками, башнями. Такие постройки очень ясно выразили, что сила московского вотчинника стала не только крепкой, но и грозной. Он и сам называется уже Грозным.

Вообще, история Москвы как города потому и любопытна, что она, так сказать, по пятам идет за развитием московского господства, с его зарождения как частного, особого, собинного княжеского хозяйства и до его окончательного расширения на всю землю, когда это хозяйство-государство приобретает уже общее земское, политическое значение, становится формой политического быта народа.

А. Васнецов. Старая Москва. У стен деревянного города. 1904 г.

По мере распространения земского значения Москвы, само собой разумеется, она все более и более тянет к себе и земские общие элементы жизни: торговлю, промышленность, всякого рода службу. Посады и слободы растут; слободы образуют в разных местах новые особые малые посады, так что старый посад, в отличие от новых, именуется уже Великим посадом и в 1535—1538 гг. обносится также каменными стенами с названием Китай-город, который назывался также Красной стеной. Приобретаемая крепость и стойкость самодержавных идей постоянно влечет за собою и материальную крепость города, гнезда этих идей. В XVI веке Москва делается в действительности сердцем почти всего северо-востока Европы, все к ней притягивается, как к жизненному центру. Население возрастает, можно сказать, не по дням, а по часам, чему в значительной степени способствует и ненавистная всей земле московская волокита и проесть¹³, приказное, подклетное¹⁴, т. е. чисто вотчинное управление землей, которое немилосердно волочит людей к этому центру, заставляя их ходить — волочиться за своими делами — целые месяцы и годы.

Около стен Кремля и Китая скоро образуется новый большой посад со сплошным населением. Сначала он укрепляется земляным валом и называется Земляным городом, а в 1586—1593 гг. обносится также белокаменными стенами и называется *Белым Царевым городом*; «царевым», может быть, потому, что в этих стенах население состояло по преимуществу из служилого и дворового сословий; или же потому, что здесь жило население свободное, собственно государево, в отличие от загородного, среди которого были целые деревни и слободы крепостные, принадлежавшие боярам и духовенству. В то же время и вокруг Царева города устраиваются сплошные посады из упомянутых деревень и новых слобод. Для защиты и безопасности этих посадов и особенно в страхе от нового нашествия крымского хана в 1591—

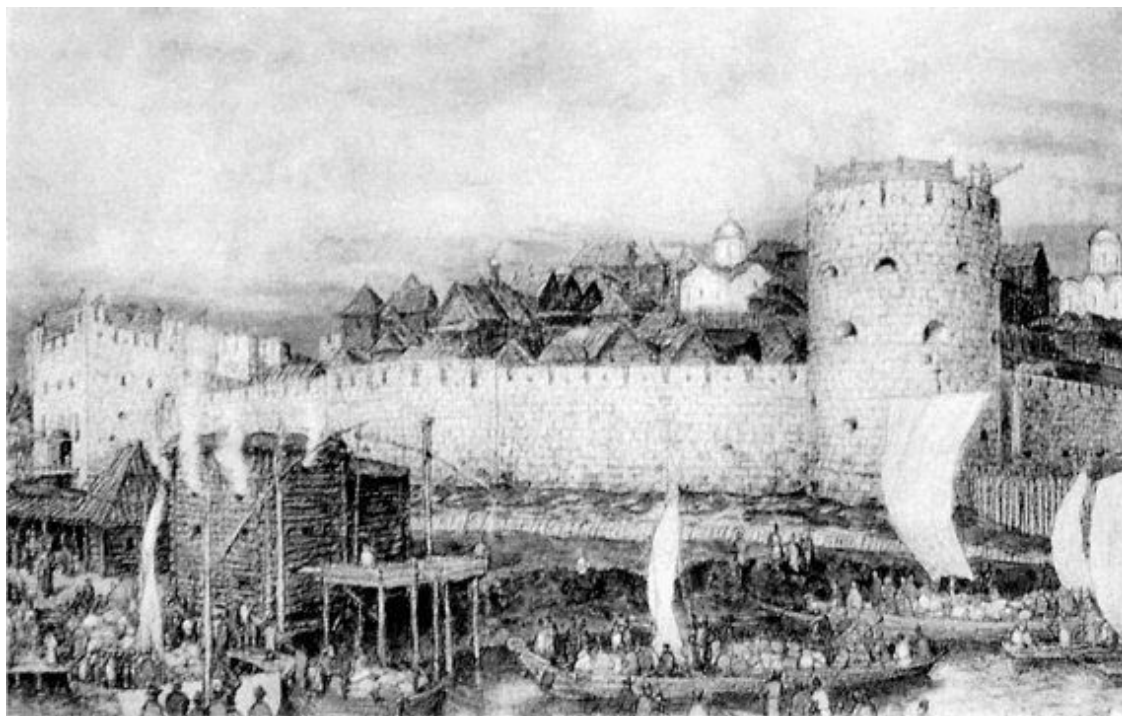
1592 гг. срублены деревянные стены с башнями и весьма красивыми воротами, стоившие, по словам Маскевича¹⁵, многих трудов и времени.

А. Васнецов. Основание Москвы. Постройки первых стен Кремля в XII в. 1903 г.

Все пространство, которое было обнесено такими стенами, называлось Скородомом, может быть, по мелкости здешних домов, собственно изб, и скорости, с какой они ставились после пожаров и других опустошений, ибо такие избы продавались всегда готовые, срубами, в лесных рядах. Вероятно также, что настоящее прозвание Скородома могло быть Скородум, в значении «стен, скоро выстроенных (вокруг всего города в один год) или скоро задуманных к постройке», как это и случилось по поводу нашествия в 1591 г. крымского хана. На некоторых иностранных планах Москвы XVII ст. он прямо и обозначается: Skorodum. В Московскую Разруху, во время *междоусобицы*¹⁶, стены Скородома сгорели. Вместо них царь Михаил в 1637—1640-х гг. насыпал высокий земляной вал, отчего Скородом стал называться уже Земляным городом и даже Земляным валом и сохранил это название до сих пор.

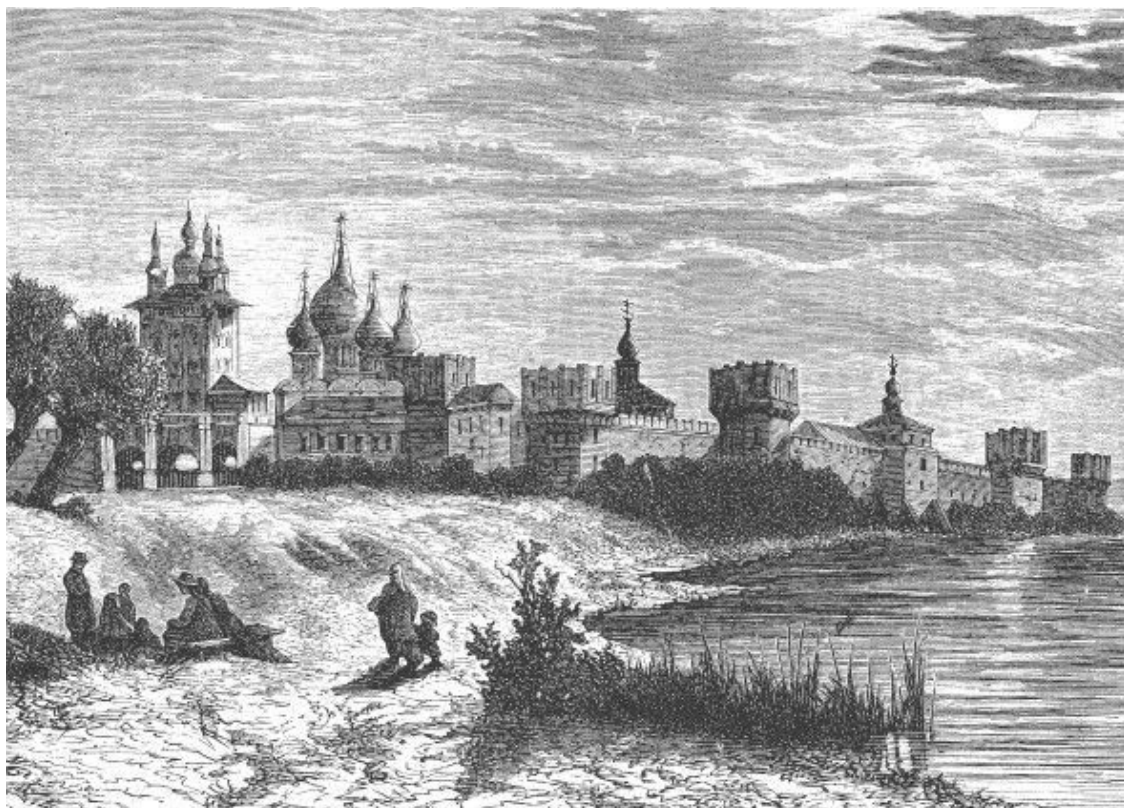
Несмотря, однако ж, на такое быстрое расширение города, особенно в течение XVI ст., он несколько не изменял своему первоначальному, чисто вотчинному типу. Он все-таки оставался большой усадьбой великого господаря-вотчинника, так что и само его расширение обуславливалось расширением потребностей и нужд этой усадьбы. Целые слободы и улицы существовали как домовные дворовые службы, удовлетворявшие только этим потребностям. Из таких слобод и улиц состояла почти вся западная часть города, именно та часть, которую отделил для своей опричнины царь Иван Васильевич,— все улицы от Москвы-реки до Никитской. Здесь возле реки находилось Остожье с обширными лугами под Новодевичьим монастырем, где паслись табуны государевых лошадей и на Остоженном дворе (улица Остоженка) заготавлилось в стогах сено на зиму. Здесь же, в Земляном городе, были запасные конюшни и слобода Конюшенная с населением конюшенных служителей (улица Староконоюшенная), а в Белом городе — аргамачьи конюшни и Колымажный двор (подле Каменного моста).

А. Васнецов. Московский Кремль при Дмитрие Донском

У Дорогомилова перевоза, впоследствии моста, на берегу реки находился государев дровяной двор, готовивший запасы дров (церковь Николы-на-Щепах). Под Новинским стояла слобода кречетников, сокольников и других государевых охотников (церковь Иоанна Предтечи в Кречетниках). Пресненские пруды издавна служили садками для царской рыбы. За ними, на Новом Ваганькове, стоял потешный псаренный двор, перенесенный сюда со Старого Ваганькова, находившегося подле Кремля, недалеко от Боровицких ворот. Улица Поварская с переулками Столовым, Хлебным, Скатертным и т. п. была населена приспешниками и служителями царского стола. Улица Никитская, или Царицына, с Кисловскими переулками (прежде слобода Кисловка) была населена *чином*, или штатом служителей и служительниц царицы: постельницами, мастерицами (швеями), боярскими детьми и т. д. Огромная и самая богатая из старинных московских слобод Кадашево (церковь Воскресения в Кадашах, напротив Кремля, за рекой) потому и богатели, что занималась, с большими льготами, только *хамовным делом* – изготовлением для царского обихода так называемой «белой казны», т. е. полотен, скатертей и т. п. Тем же занималась и слобода хамовников (церковь Николы в Хамовниках).

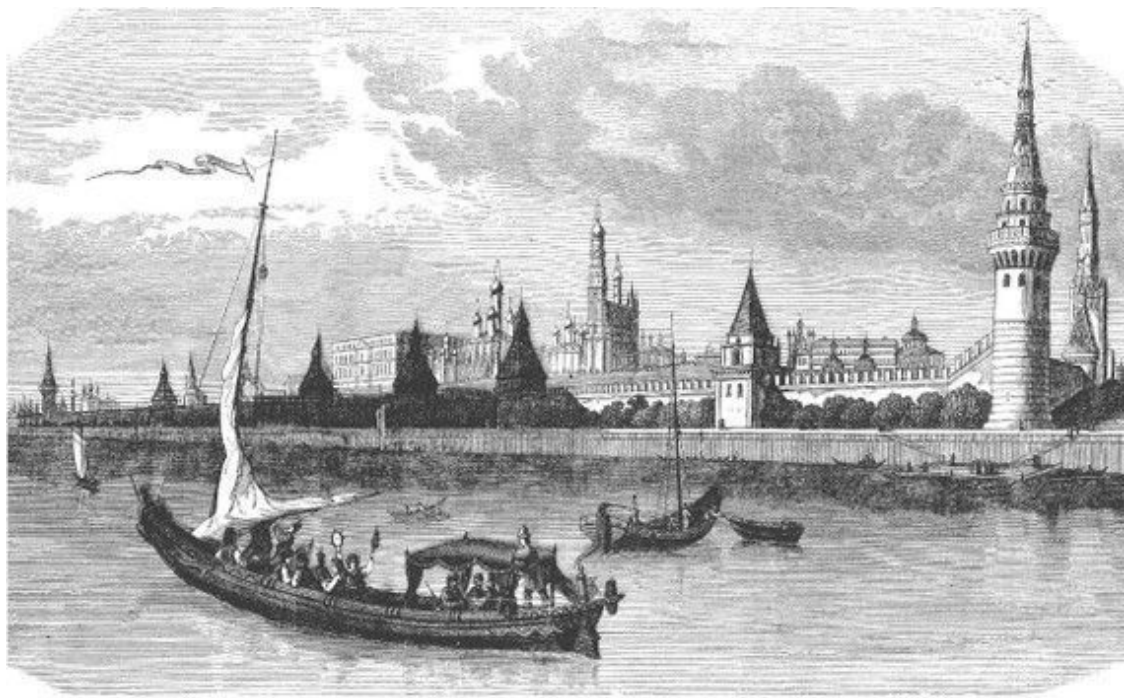
Напротив Кремля и Китая, на той стороне реки, поселены были садовники, выращивающие для царского обихода всякие овощи; а на этой стороне, где теперь Воспитательный Дом, находился Васильевский дворцовый сад. Воронцово (церковь Ильи Пророка на Воронцовом поле) издревле было загородной государевой дачей. Повторим снова, что жизненным центром Москвы был государев вотчинников двор, обстроенный деревнями, слободами и посадами, столько же на удовлетворение его собственных нужд и потребностей, сколько вследствие сосредоточения возле этого двора всякой власти и, стало быть, сосредоточения потребностей и нужд народа. Сам план Москвы (похожий, вообще, на паутину), расположение ее улиц и переулков, из которых первые, как радиусы, бегут к центру – Кремлю, а другие постоянно огибают этот центр, может наглядно свидетельствовать, куда тянула жизнь и что управляло даже общим расположением городских построек.

Москва. Новодевичий монастырь

Двор московского князя-вотчинника первоначально был построен на высокой крутой горе, при впадении в Москву-реку речки Неглинной. Крутой угол этой горы, спускавшийся к Неглинной, теперь не существует: его несколько раз сравнивали и срывали и в последнее время привели в теперешний довольно отлогий вид; в первые годы XIX ст. еще трудно было и въезжать, и всходить на эту гору, а в прежнее время, без сомнения, она была с этой стороны еще круче. С горы открывался обширный и живописный вид на Заречье, один из тех, которыми так богаты вообще берега рек Московской области, и в особенности берега Москвы-реки.

В то время как князья стали здесь строиться, гора была покрыта боровым лесом, чему свидетелями служат остающиеся до сих пор названия Боровицких ворот и дворцовой церкви Спаса-на-Бору. Здесь же, напротив ворот, стояла другая церковь, Рождества Иоанна Предтечи на Бору, сломанная при постройке нового дворца, о которой летописец рассказывает, что она в том бору была и срублена, и была первой древнейшей церковью Москвы и первым ее соборным храмом при Петре-митрополите, который вначале и жил возле нее. Есть также свидетельство, что это место было заселено еще в глубокой древности.

Московский Кремль в XVI в.

При постройке здания теперешней Оружейной палаты, примыкающего к Боровицким воротам, были найдены на материке два серебряных витых обруча (гривны) и две серьги, принадлежащие еще языческой эпохе и весьма сходные с подобными же вещами, находимыми в курганах Московской области. Древнеславянские городища и городки устраивались именно на таких горах, при слиянии двух рек, с отлогим исходом с восточной стороны, таким же, как и на этой Кремлевской горе.

Если церковь Иоанна Предтечи была первой в древнем городке Москвы, то и первый княжий дворец нужно искать возле этой же церкви, и притом с западной ее стороны, так что его местоположение еще ближе к Боровицким воротам и к острому углу бывшего здесь некогда берегового острога, или косогора. Позже, в XIII веке, когда население увеличилось и княжеский двор по тесноте места должен был отодвинуться дальше к востоку, он устроился на месте нынешнего Большого дворца пред новой церковью Благовещения на княжих Сениях. По легендам, постройка этой церкви относится к 1291 г.

Как бы ни было, но первое, древнейшее, заселение Кремля сосредоточивалось у Боровицких ворот, на бору, или в бору, на высоком остроге речки Неглинной и Москвы-реки.

Русские князья, прокладывая свой путь в эту лесную землю, без сомнения, становились там, где уже было жилье. Москва лежала на одном из таких путей и, по-видимому, самом главном, так что при проезде с юга в Суздальскую землю миновать ее было нельзя. По всей вероятности, с первых же княжеских походов в эту землю Москва сделалась их становищем, может быть, очень любимым за красоту места, а также за хорошую охоту. По крайней мере, первое летописное известие о ней есть в то же время известие о пире, об «обеде сильном», которым в 1117 г. угощал князь Суздальский Юрий Владимирович Долгорукий князя Северского Святослава, ходившего тогда завоевывать Смоленскую область по реке Протве. Выбор места для «сильного обеда» указывает, что Москва и в то время уже представляла необходимые усадебные удобства для княжеского пиროвания. При этом должно заметить, что дело было раннею весной, 5 апреля, в Похвальную субботу¹⁷, следовательно, пир не мог происходить в шатрах, как часто случалось у князей в летнюю пору, и, без сомнения, происходил в избах и клетях на

князем становом дворе. Таким образом, заселение князьями Москвы мы можем отнести ко времени их первых походов и путей в Суздальскую землю.

К сожалению, о древнейшем московском князем дворе почти нет никаких известий ни в летописях, ни в современных им актах. В первое время своей жизни, до половины XIV века, Москва не имела собственных летописцев: все ее события этого времени записаны летописцами других городов, например, новгородскими, суздальскими и др., которые вносили в свои сборники известия о Москве большею частью случайно, мимоходом, нисколько не касаясь частных, домашних дел этой небольшой великокняжеской вотчины, еще мало обращавшей на себя внимание. Притом и все более или менее значительные события того времени сосредоточивались преимущественно около Владимира, Новгорода, Рязани и других сильнейших городов; Москва же оставалась в глуши своих лесов малозаметной деревенькой; поэтому не только о князем московском дворе, но даже и о самом городе мы не встречаем в летописях XIII и XIV ст. никаких особенных подробностей. Впрочем, это обстоятельство едва ли может затруднять нас: общее понятие о древнейшем дворе московских великих князей мы можем составить себе из летописных известий XI и XII столетий, где княжий двор, нося общие черты на севере и на юге, изображается с достаточными подробностями, по крайней мере, в отношении своих частей. Мы знаем, например, что еще при Ольге в Киеве, кроме княжьего двора в городе, был еще загородный теремный двор над горой, называвшийся так от каменного терема: «бе бо ту терем камен». На этом-то дворе, по свидетельству Нестора, совершилось мщение Ольги над древлянами за смерть Игоря; здесь погибли лучшие мужи древлян «в яме великой и глубокой», нарочно для этого выкопанной. Может быть, здесь же была и та *истопка*, мовница, баня, в которой другие мужи древлянские, по замыслу Ольги, «творили мовь», т. е. парились, по древнему русскому обычаю, и потом были сожжены. На этом же теремном дворе при Владимире погиб и брат его Ярополк. В 980 г. Владимир, еще язычник, поставил на том же холме, вне этого *отняго* теремного двора, кумиры своих богов: Перуна, Хорса, Дажбога, Стрибога и пр. После крещения при княжих дворах ставились уже божницы, православные храмы.

Впрочем, этот каменный терем, упоминаемый почти на первых страницах нашей древнейшей летописи, был, конечно, большою редкостью в то время, потому что все тогдашние постройки были по преимуществу деревянные; но, как имя, этот терем дает понятие, что и в то время, в первой половине десятого века, состав княжьего двора был такой же, какой существовал и в позднейшее время. Терем составлял только увенчание здания, верхний ярус хором, как общим именем прозывались остальные ярусы и вся совокупность строений.

Нет сомнения, что основой и первообразом древнейшего русского жилища была клеть — связь бревен на четыре угла, строение, уцелевшее в своей первобытной простоте и до наших дней. В таких клетях летом жил и св. Владимир в своем любимом селе Берестове, где в тех клетях и скончался.

Клеть зимняя, приспособленная для тепла, отапливаемая посредством печи, в отличие от холодной клетки, именовалась *истьбою*, также *истопкою*, что и заставляет предполагать, что из этой истопки образовалось и самое слово «изба», от глагола *топить*, *истопить*; по крайней мере, такой смысл этого слова держится в показаниях наших летописей, и южных, и северных, в которых, при описании событий XI и XII ст., находим: истопку, истопьку, истобьку, истбу, истьбу, истебу, избу теплу.

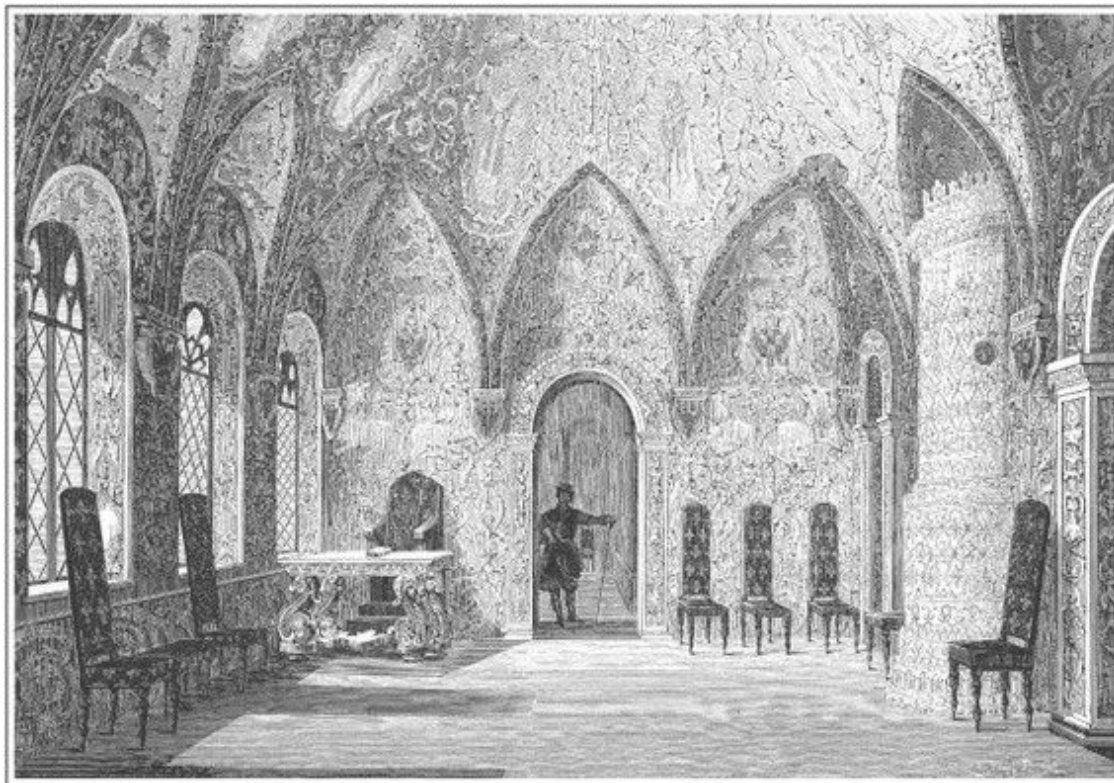

Деревянный дворец в селе Коломенском в 1640 г.

Как бы ни было, но уже в историческое время в русском языке «изба», «истопка» понимается как «клеть, отапливаемая печью», в отличие от простой, холодной клетки. Это была постройка, повсеместно распространенная в нашей более или менее лесной равнине, от Новгорода до Киева, составлявшая коренную типичную форму русского жилища как в простонародном крестьянском быту, так точно и в княжеском, а потом до конца XVII ст. и в царском. Истопка, истьба, изба постоянно упоминается в летописях, когда речь идет о жилищах княжьего двора. В составе княжьего двора упоминается также горенка (1152), обозначающая *горний*. – то есть верхний ярус постройки, и вновь свидетельствующая, что древний состав двора неизменно сохранялся и в позднем его устройстве. Но от других, боярских и вообще богатых дворов, княжий двор отличался тем, что в его составе всегда находилась обширная клеть, носившая в то время именование *грядницы* (в песнях – *грядня*), от имени *грядь*, *грядьба*, как назывался особый отряд княжеской дружины, главным образом в Новгороде. В областном языке *гряднею* называется и простая изба..

В гряднице Владимир давал по воскресеньям пиры боярам, *грядем*, сотским, десятским и «нарочитым мужам», следовательно, она служила приемной и была самым обширным покоем княжеского дворца. В «Слове о полку Игореве» упоминается о *Святославли гряднице* в Киеве; в древних песнях грядница носит эпитет «светлая», и в ней обыкновенно стоят столы дубовые. В позднейшее время ей соответствовала, по своему значению, *павалуша*, *Столовая изба*, также горница, а по способу постройки – светлица. Другие клетки получали свои имена соответственно их назначению в княжеском обиходе: так, были ложница или одрина – спальня, от слова «одр» – постель. Божницей назывался домовый храм князей, в котором они слушали церковные службы, почти всегда на полатах, то есть на хорах, соединявшихся с княжеским дворцом переходами. «Володимир (Галицкий в 1152 г.) поиде к божнице к Святому Спасу на вечернюю и яко же бы на переходах до божницы, и ту виде Петра (посла Изяславова) едуша, и поругася ему: поеха мужь Руский, обьимава вся волости, – и то рек иде на полати (на

хоры)». Впоследствии местоположение княжеских домовых церквей обозначается большою частью выражением: *что на сенях*.

Кремлевская палата. XVI в.

Общая характерная черта в устройстве древнего княжьего двора, как и всех других богатых и зажиточных дворов того времени, заключалась в том, что хоромины, избы, клети ставились, хотя и по две, по три вместе, но всегда отдельными группами, отчего и вся совокупность разных построек во дворе именовалась собирательно хоромами. Княжеский дворец не составлял одного большого целого здания, собственно дома, как теперь, но дробился на несколько отдельных особняков. Почти каждый член княжеской семьи имел особое помещение, отдельное от других строений. Для необходимого соединения таких отдельных помещений служили сени и переходы. Сени составляли вообще крытое, более или менее обширное пространство между отдельными клетями, избами, горницами, как в верхнем, так и в нижнем ярусах всех построек.

Из всех мест летописи, где упоминается о сенях, видно, что они были в верхнем ярусе, где, следовательно, находились и все покои, в которых жили князья. Так как сени представляли важное и притом неизбежное условие в расположении хором, то и самый дворец княжеский в древнейшее время именовался вообще сенями, сенницею.

«Сижє (людє в 1067 г.) придоша на княж двор. Изяславу же сєдящу на сенех с дружиною своею... князю же из оконця зрящю и дружине стоящю у князя... (в 1095 г.) Итларєви в ту ноцъ лежащю у Ратибора на дворе с дружиною своею – на сенници... – И сєдшим всєй братѣи у Всеволода на сенех, ирече им Всеволод... – В то же время Борис пѣшет в Белєгороде, на сєньници, с дружиною своею и с попы с Белєгородьскими.. – Петр же поєха в град и приєха на княжє двор, и ту снидоша противу єму с сєней слугы князи вси в черних мятлих... и яже взидє на сєни, и види Ярослав, сєдяща на отни м.єсте

*в черни мятли и в клобуце, такоже и вси мужи его, и поставища Петрови
столец, и сяде...»*

В этом же значении должно принимать и выражение: *у государя на сенях*, весьма употребительное в XVI и XVII столетиях.

Мы упоминали уже, что князья, как потом и цари, занимали всегда верхние ярусы дворца, который от этого в XVI и XVII ст. назывался вообще *Верхом*; выражение: *у государя в Верху* – значило то же, что «во дворце». В нижних этажах древних княжеских хором, под клетями, находились *порубы*. В позднейших редакциях летописей «поруб» заменяется словом «подклет». В этих-то подклетах и вообще в нижних этажах жили княжьи слуги, отроки, дети и все лица, составлявшие княжий двор и называвшиеся поэтому дворянами. К хозяйственным постройкам княжьего двора принадлежали погреб, медуша – погреб с вытопленным из сот медом; бретьяница – погреб с бортовым медом¹⁸; скотница – кладовая со всякою казною.

Некоторые из древнейших княжих дворов, по своей красоте, а может быть, по красивому местоположению, назывались красными, а двор великого князя Юрия Долгорукого в Киеве за Днепром даже именовался раем. В отношении наружного вида дворцов мы имеем свидетельство «Слова о полку Игореве», где упоминается о златоверхом тереме великого князя Киевского Святослава.

Вот те краткие известия о древнейшем княжьем дворе, которые находим в летописных свидетельствах X, XI и XII столетий. Несмотря, однако ж, на эту краткость и отрывочность первоначальных указаний о княжьем доможителстве, мы видим, что древнейший княжеский быт в этом отношении очень мало изменился и в последующие века, а что еще важнее, он был одинаковым и на севере, и на юге, ибо на севере жил тот же княжеский род, который в те времена переходил туда с юга, перенося с собою все условия, потребности и порядки своей жизни. Без всякого сомнения, дворец первых московских князей содержал в себе много сходного со всеми другими княжескими дворцами того времени: по крайней мере, в состав его входили те же самые части, какие указаны нами выше. Это вполне подтверждают известия последующих столетий. Златоверхий Набережный терем и Набережные сени (в смысле целого дворца) Дмитрия Донского, указывая на местоположение великокняжеских хором в Москве, объясняют вместе с тем и их сходство с древнейшими постройками того же рода. «Повесть о Мамаевом побоище» рассказывает между прочим, что весть о приближении Мамаевых сил застала великого князя за пиром в Набережных теремах: пил он чашу за брата своего, Владимира Андреевича¹⁹. Далее, когда московская рать двинулась с князем в поход, повесть описывает плач его супруги: «Княгиня ж великая Евдокия вниде в златоверхий терем в набережный, в свои сени, и сяде под стекольчатым окном на одре... слезы проливающе...» По другим спискам: «...сяде под южными окны... вниде в набережные сени и сядоша о рундуце (стул) под стеклянным оконцем...»²⁰.

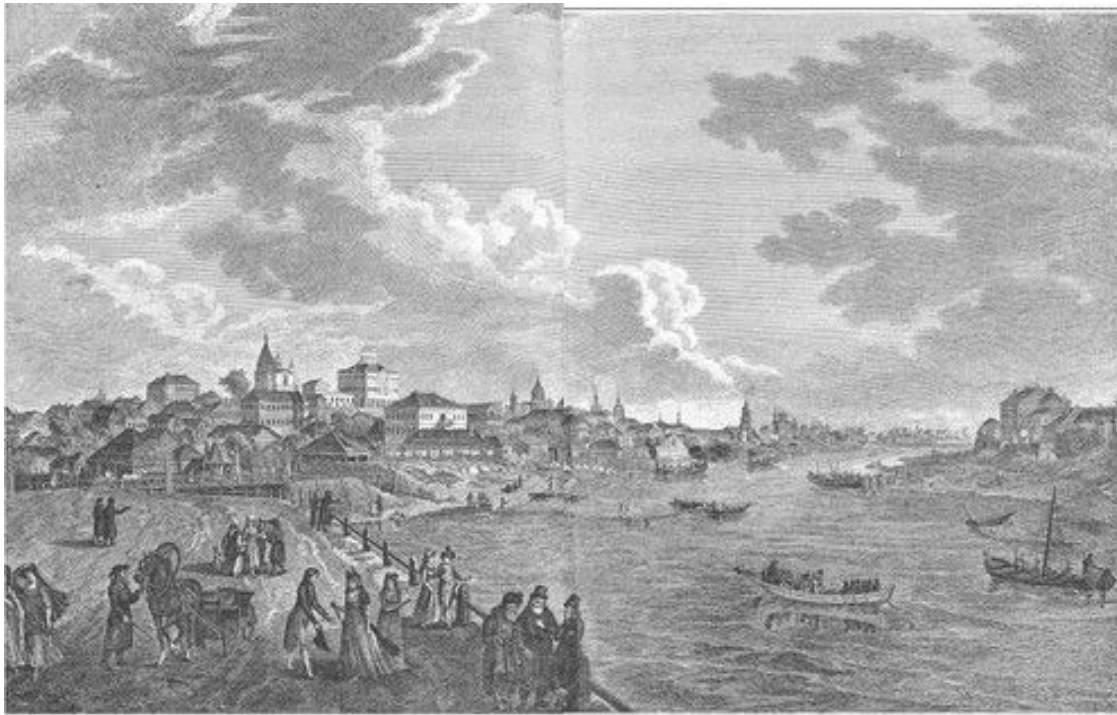

Москва. Крестовая палата в Кремлевском дворце

Несмотря на то что сказание о побоище и, следовательно, эти известия о княжьем дворце относятся к более позднему времени, все-таки они дороги нам как свидетельства, обозначающие хотя бы одною общей чертой сходство московского княжьего двора с древними. Этот Набережный терем находился возле самой церкви Благовещения, которая была первым домовым храмом московских князей. По красоте местоположения и московский княжий двор мог также называться раем. А то, что он действительно был построен обширно и с великолепием, которое соответствовало вкусам времени и богатству сильнейшего русского князя, свидетельствуют чудные часы, может быть, единственные в то время во всей Русской земле, которые были поставлены в этом дворце в 1404 г. Летописец только потому и сохранил известие о них, что они, отличаясь от обыкновенных предметов, очень удивляли современников. Он описывает их следующим образом «Князь великий (Василий Дмитриевич²¹) замысли *часник* и постави (его) на своем дворе за церковью, за Св. Благовещением. Сии же *часник* наречется *часомерье*; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и разсчитая часы *нощные* и *дневные*; не 60 человек ударяше, но *человековидно*, *самозвонно* и *самодвижно*, *странно-лепно* некако; створено есть *человеческою хитростию*, *преизмечтано* и *преухищрено*»²². Другой летописец добавляет, что часы были «чудны велми и с луною...» или с лунным течением, как выражались о подобных часах позднее. Мастером и художником этих знаменитых часов был чернец Лазарь, родом серб, пришедший в Москву с Афонской Горы²³. Часы стоили более полутора ста рублей на тогдашние деньги, сумма по тому времени весьма значительная.

Необходимо упомянуть, что Василий Дмитриевич примерно в то же время выстроил и каменную церковь Благовещения, вероятно, на месте прежней деревянной, постройка которой приписывается великому князю Андрею Александровичу²⁴ в 1291 г. Очень не мудрено, что вместе с этими сооружениями церкви и часов великий князь вообще обновил свой дворец,

украсив его, может быть, новыми зданиями, по обычаю, деревянными, о чем летописец не говорит ни слова по той причине, что подобные перестройки, как дело весьма обыкновенное в княжеском быту, не заслуживали упоминания.

Вид Яузского моста в Москве в конце XVIII в.
С гравюры Делаберта 1797 г.

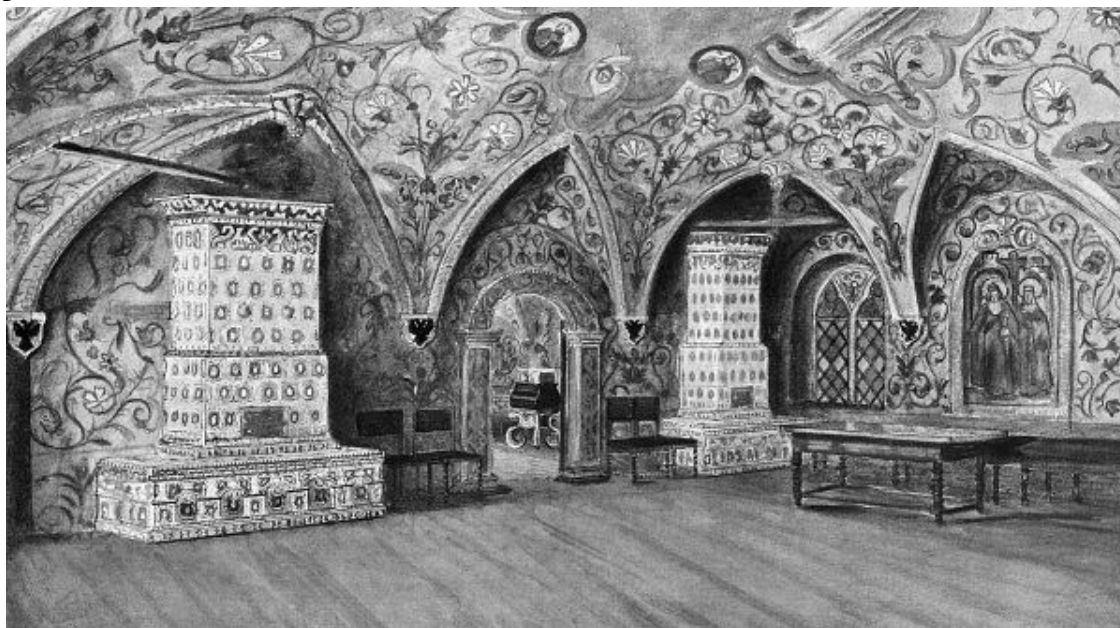
Летописи конца XV века и современные им записки упоминают, к случаю, среднюю горницу, в которой великий князь Иван Васильевич, в 1479 г., по случаю торжественного освящения нового Успенского собора и перенесения в этот собор мощей московских чудотворцев, угощал митрополита и духовные власти. Упоминают еще набережную горницу великого князя (1488), набережный сенник, а также среднюю повалушу великой княгини Софьи Фоминичны²⁵, где представлялся ей посол цесарский Юрий Делатор, в 1490 г., и столовую гридню и повалушу великого князя, записанные летописцем по случаю заключения в 1492 г. несчастного угличского князя Андрея Васильевича²⁶. Здесь одна только повалуша не упоминается более ранними летописцами, что, однако ж, не позволяет заключать, что повалуши не было в наших древнейших постройках, что ее не было и на княжих дворах. В других памятниках старинной письменности, относящихся даже к XII в., упоминается и повалуша, и вдобавок с обозначением, что она бывала расписываема, т. е. украшаема живописью.

«Ты, — обращается одно учительное слово к богатому, — жсивя в дому, повалуши исписав, а убогий не знает, где главы подклонити!»²⁷

Ни один летописец не оставил нам подробного описания древнего русского жилища, которое по типичности своей могло бы заменить нам полнейший свод всех известий об этом; летописцы не знали, что нам будет это любопытно, и нисколько не занимались современным им домашним бытом по той единственной причине, что этот быт был так им близок, так всем известен, что его не стоило и описывать. Но, несмотря на то что летописцы оставили нам весьма мало подробностей о нашем старинном домостроительстве, мы можем безошибочно пополнить их краткие указания известиями позднейшего времени. Это тем более возможно,

что народный быт Древней Руси, особенно в отношении образа жизни, нелегко поддавался посторонним влияниям, нелегко изменялся и даже до настоящего времени сохранил основные черты своего характера. Притом до Петра Великого все население Московского государства не различалось так резко ни в образе жизни, ни в обычаях; следовательно, и домоустройство всех сословий отличалось повсеместным однообразием, сходством, которое сохраняется даже теперь по великорусским деревням.

Мы уже сказали, что первообразом древнего русского жилища была клеть, из которой потом образовалась изба, до сих пор почти единственное жилище нашего крестьянина. Изба и клеть составляли, так сказать, основу его двора. Обыкновенно изба была поземная и черная, то есть курная, срубленная прямо на *пошве* или на *ж>дза.ва.лье*²⁸, с волоковыми окнами, от 6 до 8 вершков длины и 4 вершков ширины²⁹, которые располагались почти под потолком, для пропуска в них дыма, и походили более на щели, нежели на окна. Волоковыми они называются потому, что их не затворяли, а задвигали, или заволакивали, особой крышкой или доской. У некоторых изб были дымницы, или дымники, вероятно, деревянные трубы, какие нередко встречаются и теперь; впрочем, эти дымницы составляли, кажется, принадлежность белых изб, о которых мы еще будем говорить. Напротив избы у семейных и зажиточных людей ставилась клеть – летний холодный покой, также с волоковыми окнами. Место под общею кровлей, между клетью и избой, называлось сенями. Под клетью, которая в иных местах называлась повалушею и даже горницею, почти всегда был глухой подклет, называвшийся нередко мшаником, в котором помещался домашний скот или кладовая.

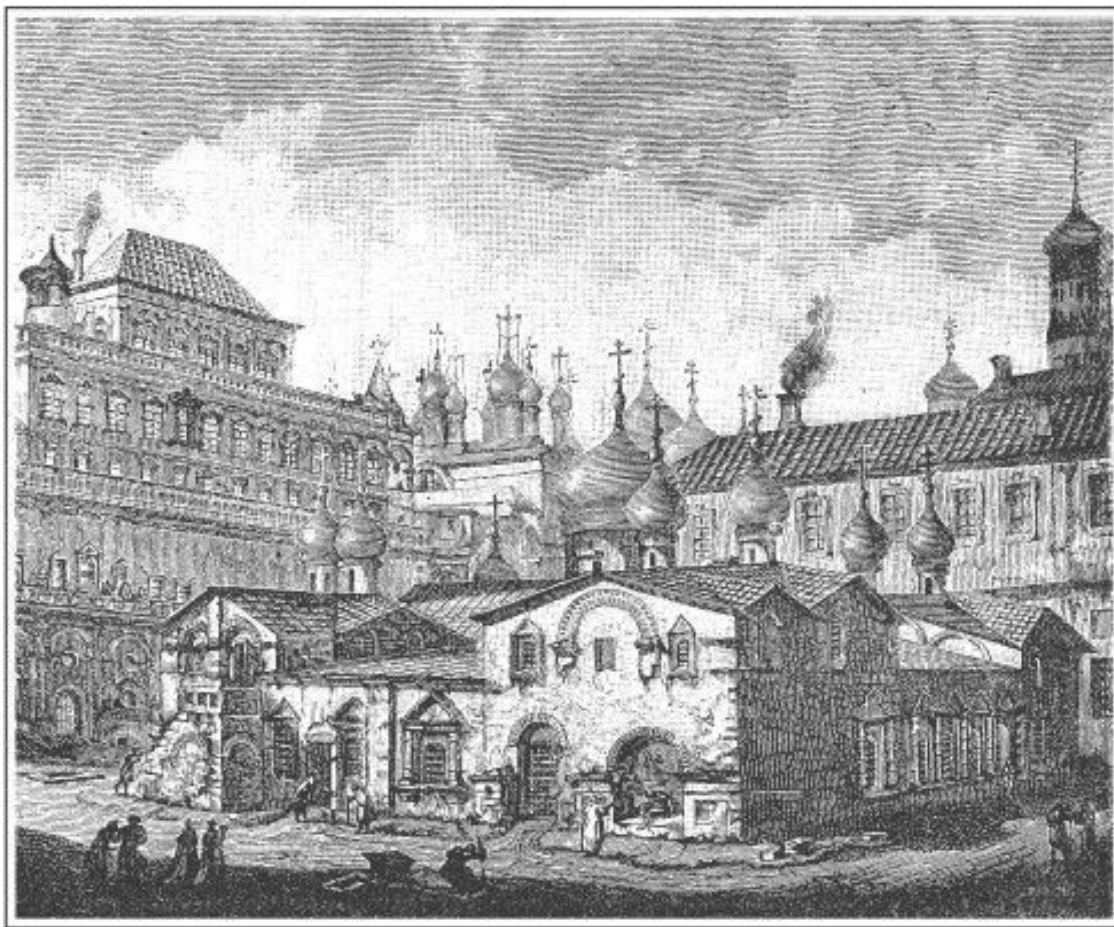

Терем в Москве

Поэтому клеть в отношении к избе стояла всегда выше, отчего, вероятно, и носила название горницы. Вот жилище простолюдина. Мы берем только главные черты, не упоминая о разных подробностях крестьянской избы и клети, о принадлежностях крестьянского двора, собственно о *дворище*, как в древнее время называлась вся совокупность таких принадлежностей, вообще о дворовом и огородном строении, потому что все это с незапамятных времен и донныне существует почти без изменений.

У людей других сословий, у богатых гостей, дворян и, наконец, у бояр, постройка и расположение хором изменялись по мере потребностей, какие составляла жизнь каждого лица, хотя в главных чертах она и сохраняла первобытный тип избы и клети простолюдина. Вместо

черной, поземной избы, здесь ставилась изба белая, также поземная, но с той только разницей, что дым из нее проходил в трубу, дымницу, а не в дверь и не в волоковые дымовые окна, как бывает в избе курной. Впрочем, большей частью такая изба строилась на подклете, почему и называлась горницей, как верхний, горний покой в отношении к подклету; в этом случае она была всегда с красными³⁰, косячатыми окнами, при которых, однако ж, допускались и малые волоковые, располагаемые обыкновенно по сторонам красных, но чаще в боковых и задних стенах горницы. Сверх того, горница отличалась от избы печью, которая здесь была изразцовая, муравленая, круглая или четырехугольная, вроде голландской, совершенно отличная от избной, так называемой русской печи. Горница и сама изба разделялись нередко перегородками на несколько комнат. Нередко две-три или четыре клетки, или горницы, ставились вместе и назывались собирательно двойнями, тройнями, четвернями, смотря по количеству связанных таким образом клеток, вообще хоромами в собственном смысле, а каждая такая клеть отдельно – комнатой и горницей.

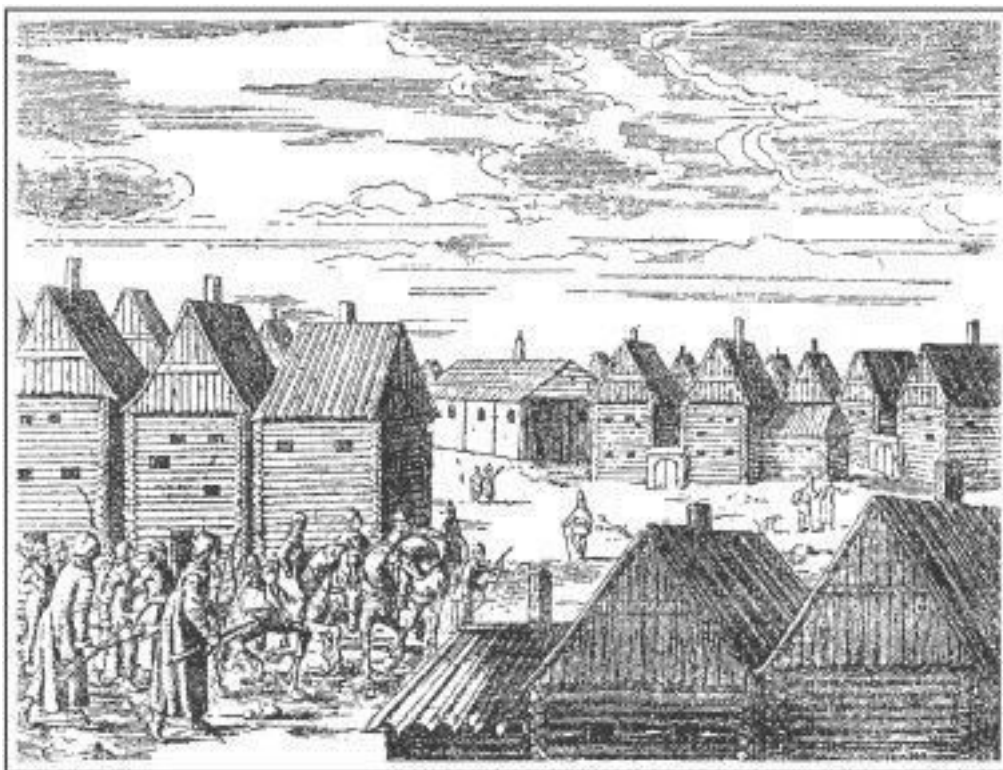

Терема в Москве

Что же касается подклетов, то это были нижние этажи древних хором; они носили разные наименования, смотря по своему назначению: в них помещались людские, кладовые или казенки, в которых хранилась казна, то есть имущество, и пр. В первом случае они были жилые с волоковыми окнами и с печами, во втором – глухие, т. е. нежилые, иногда без окон и даже без дверей, потому что ход в них бывал только с верхнего этажа.

В больших хоромаш обширные сени соединяли горницу или комнаты с повалушею, или повалышею, которая всегда ставилась отдельно от жилых хором, с передней их стороны, также на жилом или глухом подклете, в два или в три яруса. Это был обширный летний, т. е. холод-

ный, покой, соответствовавший клети в крестьянском дворе и служивший большей частью в качестве столовой или вообще приемной комнаты. В иных случаях повалуша служила также для сохранения разной домашней рухляди. В богатых и особенно в государевых хоромах она соответствовала древней гридне, а впоследствии – столовой, т. е. парадной комнате, в которой давались праздники и пиры, принимались гости. С этой, может быть, целью повалуша и ставилась дальше от жилого помещения, и всегда против передней комнаты, так что не имела сообщения с задними клетями.

Московская улица в XVII в.

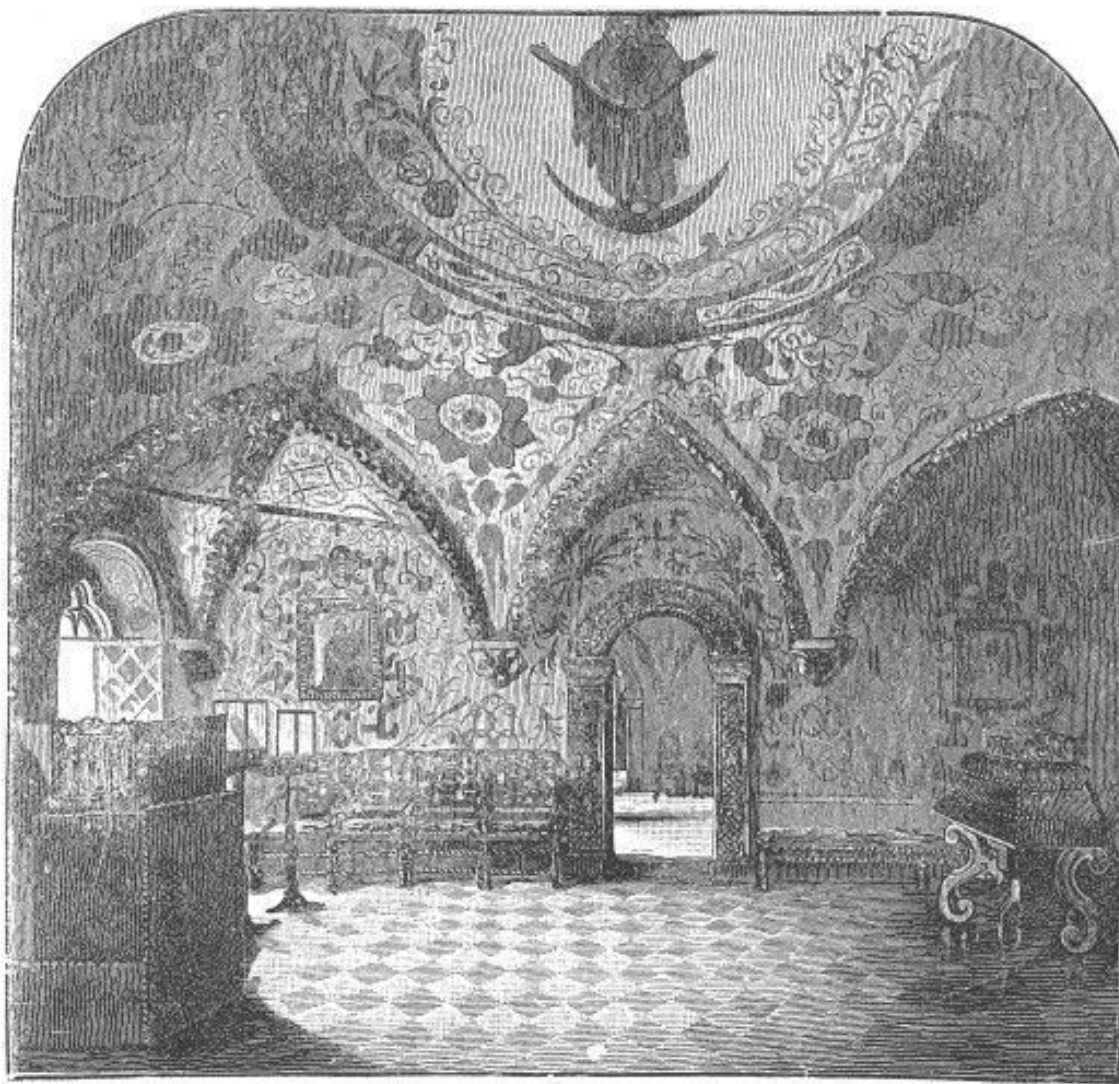
Кроме горницы и повалуши, в состав старинных хором входили еще светлица и сенник. Светлица – та же горница, с одними только красными косячатыми окнами, которых в ней было больше, чем в горнице, и которые, разумеется, давали больше света, чем окна горницы и всякого другого покоя. В светлице окна прорубались во всех четырех стенах или, по крайней мере, в трех, между тем как в горнице были красные окна только с лица (фронтон) или с двух сторон, если была угловая. Светлицы ставились по большей части только на женской половине и всегда служили рабочими комнатами для женских рукоделий, особенно для вышивания шелками, золотом и для белого шитья. Вообще, светлица была комнатой, назначаемой для работ разного рода и для всяких занятий. Сенник, от слова «сени», – также холодный покой, без печи, с немногими волоковыми окнами, служивший летом спальней; от теплых хором он отличался особенно тем, что на его дощатый или бревенчатый потолок, как и на потолок сеней, никогда не насыпалась земля, что было необходимо при устройстве теплого покоя. От этого сенник получал весьма важное значение во время свадьбы: в нем обычно устраивалась брачная постель; а древние обычаи не допускали, чтоб у новобрачных над головами была земля, как такой предмет, который, среди радостей жизни, во время «веселия», как называли свадьбу, мог дать повод к размышлению о смерти.

Сенником и сенницею назывался также и сарай для сена, сеновал. Мы упоминали уже о значении сеней в древних постройках; этим словом называли

все части хором, расположенные пред входом в жилые и нежилые покои и соединявшие все отдельные хоромины, т. е. горницы, повалуши, клетки, светлицы и т. д. В богатых и государевых постройках, на женской половине хором, сени приобретали значение теперешней залы и потому устраивались обширнее, чем в других частях хором. Здесь сени служили местом для девичьих веселостей и игр.

Сени, находившиеся вне общей кровли, непокрытые или покрытые одним навесом, назывались переходами и крыльцом, если при них была лестница со двора. В горницах и повалушах, преимущественно же в сенях, устраивались чуланы и каморки; в горницах они служили спальнями, а в сенях – кладовыми. Где-нибудь позади к сеням прирубались *задцы* или *придельцы* для необходимого назначения. Над сенями иногда делался верх, или вышка, светелка, а внизу – подсенье. Верхний этаж древних хором составляли светлые чердаки, известные также под именем теремов и вышек.

Палата в старом Кремлевском дворце

Они устраивались под самой кровлей здания, были со всех сторон открыты, почему и пользовались обширным видом; к ним пристраивались иногда *смотрильни* – небольшие башенки, с которых смотрели на окрестность. Отличительной чертой теремов, или чердаков, были красные, нередко двойные, окна, прорубленные на все четыре стороны терема. В древних

народных песнях терем носит эпитет высокого, каким он и был всегда. Около теремов, или чердаков, почти всегда устраивались *гульбища* парапеты или балконы, огороженные перилами или решетками.

Таким образом, наши древние хоромы состояли преимущественно из трех этажей: внизу подклеты, в среднем житье, или ярусе, — горницы, повалуши, светлицы;верху — чердаки, теремка, вышки.

В заключение этого обзора древних деревянных хором нужно упомянуть, что в больших хоромах расположение частей не было подчинено никакому особенному, общепринятому плану: они ставились совершенно произвольно, в зависимости от удобства и различных требований, которые условливались значением строившего лица, многочисленностью его семьи и т. д. Впрочем, как бы ни были обширны хоромы, они всегда сохраняли в своем составе общий тип клети и избы с их подклетами.

А. Васнецов. На кресте в Китай-городе

Напомним, что вся Великая Русь была по преимуществу «лесная земля», как ее постоянно называют южные князья, в которой, следовательно, лесной материал был дешевым и поэтому оставался надолго почти единственным строительным материалом. Это обстоятельство препятствовало распространению и улучшению кирпичного производства, нужда в котором была очень незначительна. Деревянные постройки ставились так скоро, были так удобны, соответствовали обычаям и потребностям времени и так были дешевы, что, несмотря на постоянные пожары, опустошавшие в несколько часов целые посады и даже большие города, кирпичное производство не приживалось до тех пор, пока не стал ощутимо дорожать лесной материал. Так, в конце XV века итальянский архитектор Аристотель Фиораванти, приглашенный строить в Москве Успенский собор, вместе с другими итальянскими мастерами начал учить русских делать качественный кирпич. Можно было ожидать, что с того времени кирпичное производство утвердится хотя бы в Москве, где необходимость в каменных зданиях стала с

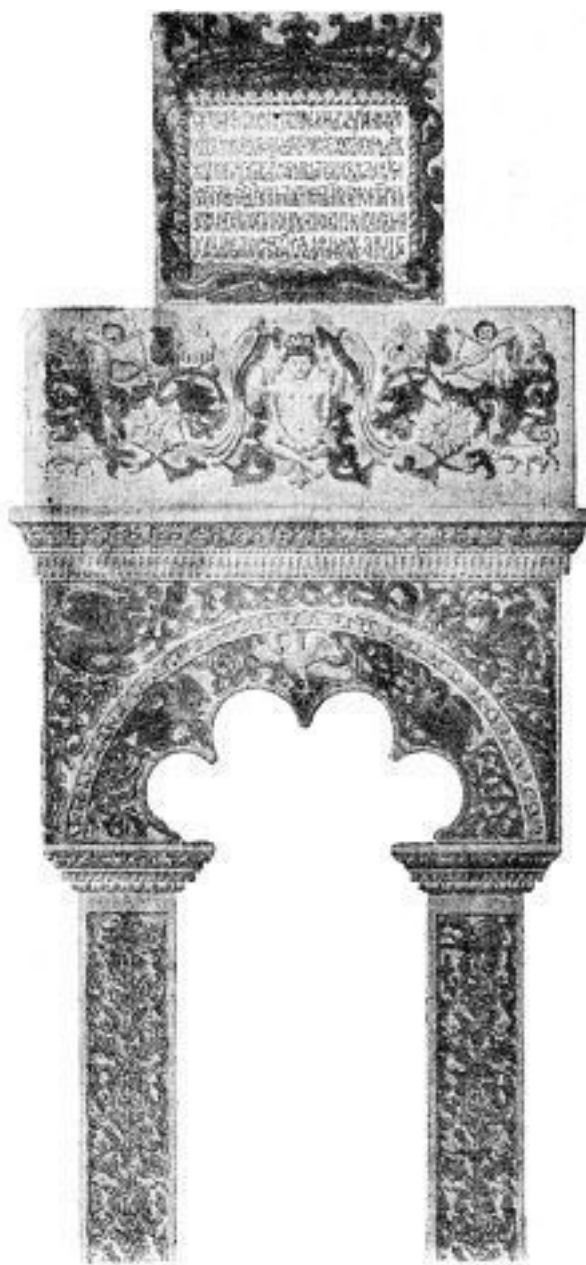
каждым годом увеличиваться. Однако в начале XVII ст. мы принуждены были опять вызвать кирпичного мастера из Голландии и снова учиться тому, чему были выучены почти полтора века назад. Так могущественны были не только старые обычаи, но и выгоды, доставляемые дешевизной обычного строительного материала, – дешевизной, невероятным удобством и скоростью, с которыми строились деревянные здания. Само собою разумеется, что в таких обстоятельствах процветание плотничного дела было вполне обеспечено.

Из простого домашнего мастерства с первобытными приемами, которое так знакомо было почти каждому селянину, оно сделалось в некотором смысле искусством; созидало высокие и обширные церкви с тринадцатью верха, какой, например, была

София Новгородская еще в начале X века, в двадцать стен, какой была Успенская церковь в Устюге (1492), в двадцать пять углов, какой была церковь Св. Николы, «вельми преуdivленная и чудная во всей Псковской волости»; строило еще более обширные городские стены с башнями и воротами, весьма красивыми, и с тем же искусством выстраивало огромные дворцы и хоромы государевы.

Подобные постройки, конечно, требовали немалой опытности и знания не одной только техники мастерства, но и искусства архитекторского, знания разных механических условий, без которых невозможно было возводить столь обширные постройки.

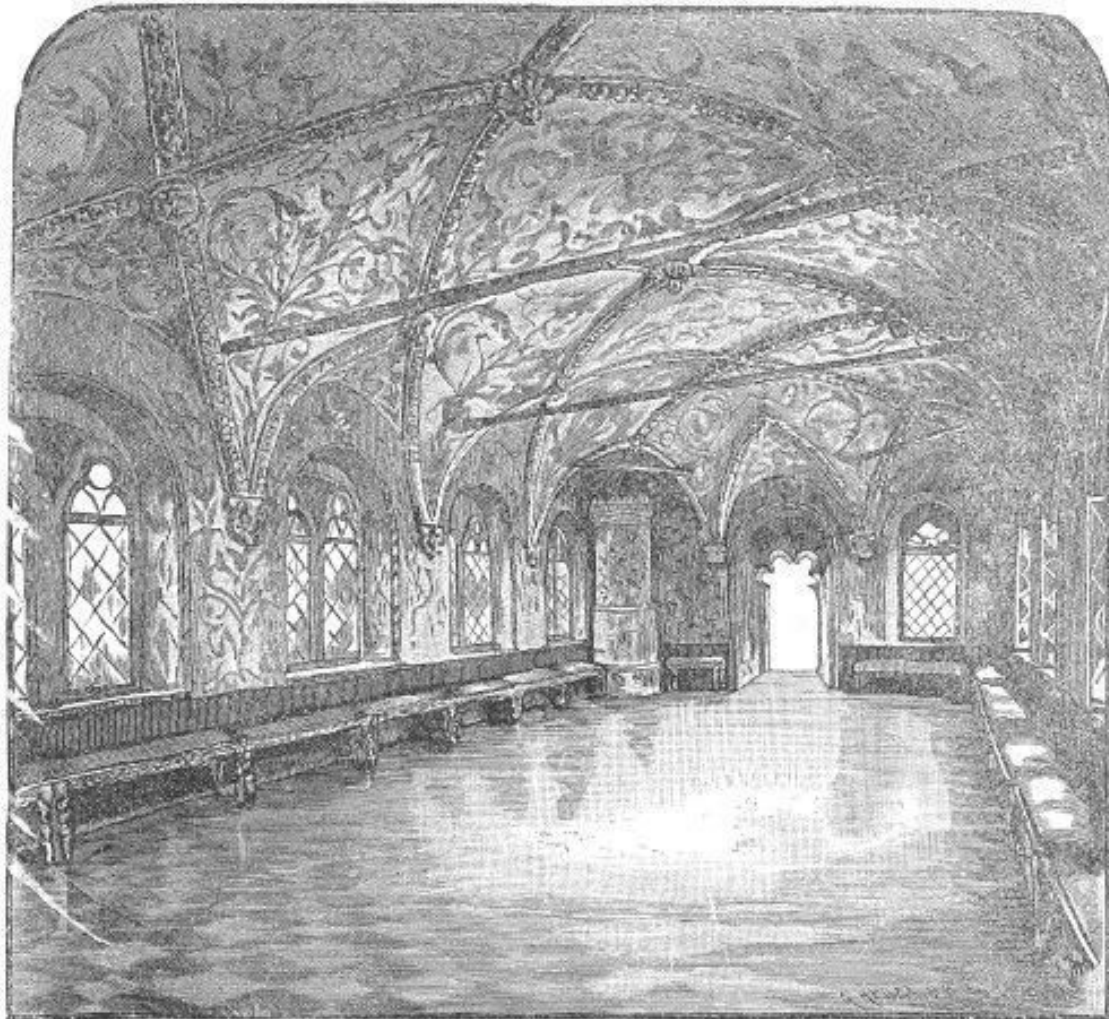
Доморощенные наши архитекторы того времени и вместе с тем начальники плотничных артелей назывались плотничьими старостами; плотники же назывались иногда и *рублениками*, от главного занятия в их мастерстве – рубить. Замечательным памятником их искусства, о котором мы можем иметь представление хотя бы по сохранившимся рисункам, служит деревянный Коломенский дворец XVII ст. Заброшенный и оставленный еще с первых лет XVIII ст., он стоял почти без всякой поддержки более 60 лет и был разобран только в 1768 г. Представим несколько подробностей, характеризующих старинное плотничное дело и вообще способы построек.

Двери Теремного дворца

Клеть, как первообраз и основа всякой хоромины, какое бы название она ни носила и как бы обширна ни была, ставилась обыкновенно в четыре стены, из бревен или, при достаточном хозяйстве, из брусьев, т. е. бревен, тесанных со всех четырех сторон. Бревна на углах стен связывались или срубались *в обло* и *в присек*, в лапу³¹ и в замок³², как обыкновенно рубились избы в деревнях; в ус, как вообще рубились хоромы, особенно брусяные: в ус, в брус, также в косяк, в угол. Связанные таким образом по углам, четыре бревна или бруса составляли венец, *ряд*; количеством венцов, или рядов, друг на друга положенных, определялась часто, смотря по толщине бревен, и высота клетки или ее стен: говорили, например, — «вышиною на пятом венце». Складывались, т. е. ставились, клетки или прямо на пошве, т. е. на земле, или же, как бывало в хоромных постройках, на столбах и *режах* или *обрубках*, что называлось «подру-

бать режь». Режи и обрубь составляли как бы фундамент и рубились клетками, или *избиидми*, иногда, для большей крепости, в две стены. Избы и клетки иногда даже и в царских хоромы рубились во мху, т. е. перекладывались по каждому венцу мхом. Хоромы зажиточных людей и царские конопатились обыкновенно плохим льном, пенькою или паклею; сверх того, потолки и стены обивали иногда белыми полстями³³ и войлоками.

Коридор в Кремлевском дворце

Мост, или пол, мостили на кладях, или лежнях, половыми досками *в причерт с вытесом*, т. е. ровно и гладко, также *взакрой*, и всегда выравнивали. В подклетах клали мост пластинный или бревенчатый. Подволоку, или потолок, утверждали на матицах³⁴, настилая брусьями или накатывая бревнами, которые также изнутри клетки почти всегда вытесывались в брус или клались в подтес, *взакрой*³⁵. Большие хоромы всегда укрепляли связным железом – скобами, наугольниками, подставами, веретеными гвоздями и т. п.

Нарядить нутро – значило отделать клеть начисто внутри, т. е. вырубить и околodить окна красные и волоковые, сколько понадобится: покласть у стен лавки с опушками, на стамиках³⁶; устроить, где следовало, коник; навесить двери, сделать опечек, или место для печи, и т. д. К тому же наряду относилась и окончательная уборка стен и потолка. Стены, особенно если они были бревенчатые, внутри и снаружи обшивались красным тесом *взакрой*; брусяные же отделывались в скобель³⁷ или *выскабливались в лас*³⁸. Потолок точно так же подшивался тесом

или липовыми досками взакрой. В жилых клетях потолок сверху вымазывали глиною и по просушке насыпали просеянную землю – черноземом, *наволакивали* землю.

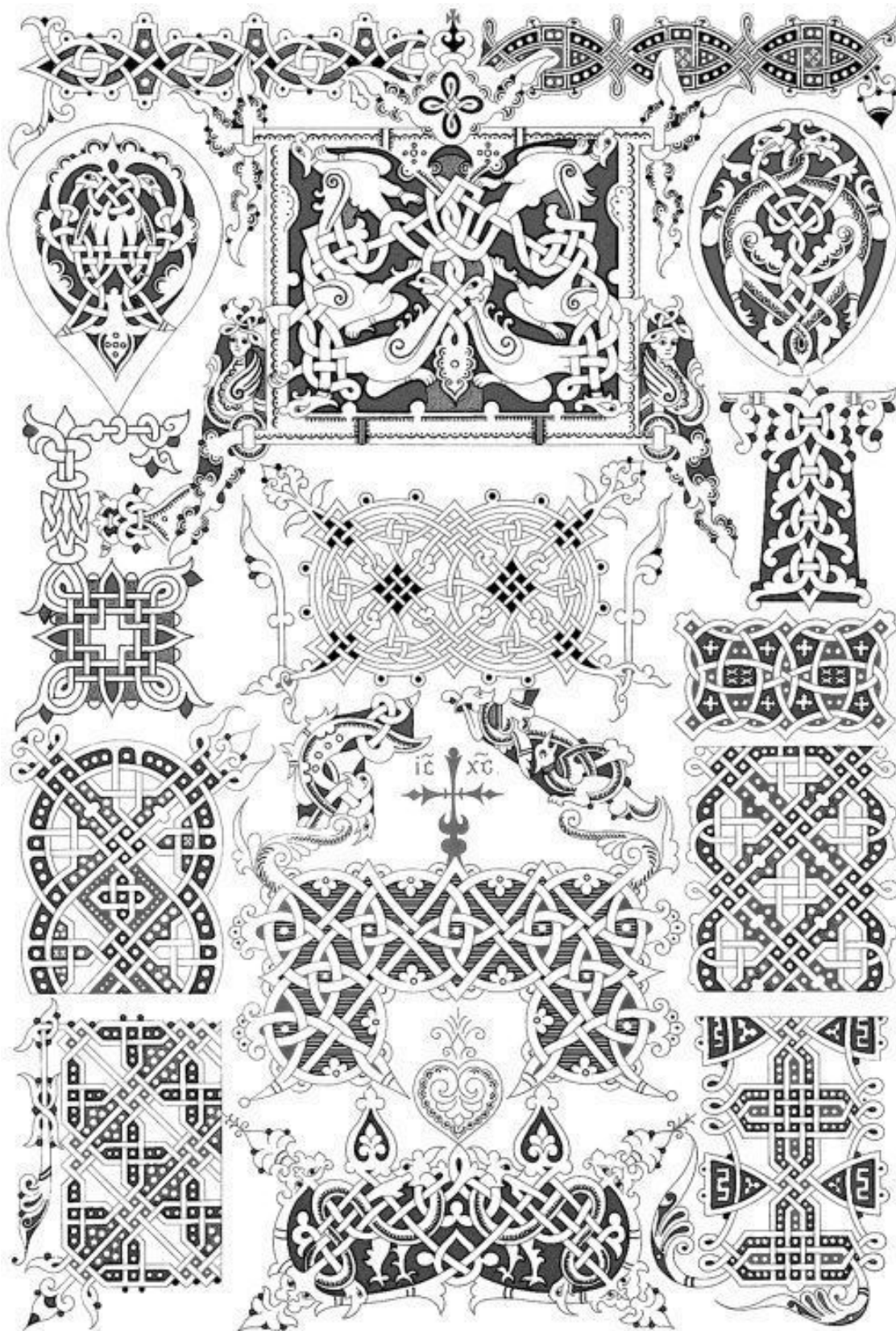

Окно Теремного дворца со стороны Оружейной палаты

Соединение обыкновенной двускатной кровли состояло из князя, иначе князька, также коня и конька – верхнего продольного бруса, от которого вниз с обеих сторон протягивались *курицы*, или деревья с закрючинами, на коих клались *застрехи*, нижние продольные брусья кровли, составлявшие ее свесь³⁹. С лица клетки эти деревья, или курицы, закрывались узорочно вырезанными *причелинами*⁴⁰, которые спускались по сторонам *очелья* (фронтон), закрывавшего чердак, или верхнюю подкровельную часть клетки. Затем кровля решетилась *латоками*, или продольными *решетинами*⁴¹, и *подстрелинами*⁴². Связь хоромных кровель, которые боль-

шей частью крылись по-полатному, т. е. со скатами на все четыре стороны, также состояла из князя⁴³, который опирался на подстрелины и быки⁴⁴, связанные решетинами.

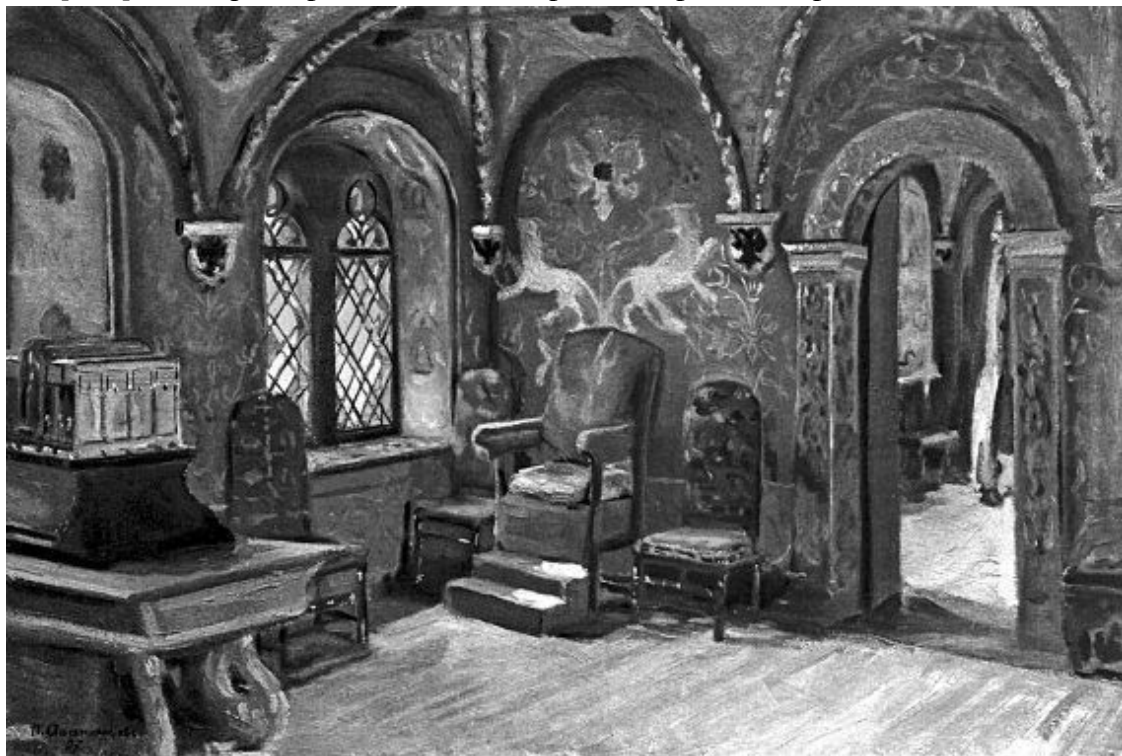
На хоромах кровли крыли в два теса со скалой, т. е. с берестой, которой перекладывали тес, чтобы не проходила течь, что называлось *поскалить'*, иногда крыли *драницами*⁴⁴⁵ со скалой же. Кроме того, тесовые кровли делались в нижней части почти всегда с полицами, т. е. небольшими переломами или отводами вроде полок, предупреждавшими сильный сток воды. Это было необходимо потому, что кровли устраивались очень круто. Под полицы клали желоба большие *охлунные* и малые; устраивали также водяные скаты. По полицам нередко ставили балясы⁴⁶, а сам свес украшали *поддзорицами*⁴⁷. Наверху по князю ставили резной гребень с маковицами по краям. В таких кровлях устраивали нередко выпускные, или выводные, окна, освещавшие чердак; а чаще *чердашные слухи*, окна слуховые.

Образцы орнаментации рукописей. XIV—XV вв.

Вообще, кровли в старину служили немалым украшением зданий, особенно в больших, обширных постройках. Они устраивались высокими шатрами в виде башен, сводились в виде

бочек, в виде кубов, причем то и другое соединялось нередко вместе, т. е. шатры стояли на бочках. Шатры, кубы и бочки искусно кожушились⁴⁸ мелкими решетинами и покрывались большею частью гонтом (лемехом)⁴⁹ в чешую. Кроме того, верхи хором украшались чердаками, или теремами, род бельведеров, с красными, иногда двойными, окнами на все стороны. Около таких чердаков устраивались гульбища, балконы, огороженные балясами, или перилами, гудками (род балясника). Самые верхние чердаки, или собственно бельведеры, строились или на четыре угла, или же в виде шестерика и осмерика. Верхи чердаков, шатров, бочек, кубов украшались *прапорцами*, *флюгерами*, а бочки, сверх того, – резными гребнями.

Тронный зал в тереме

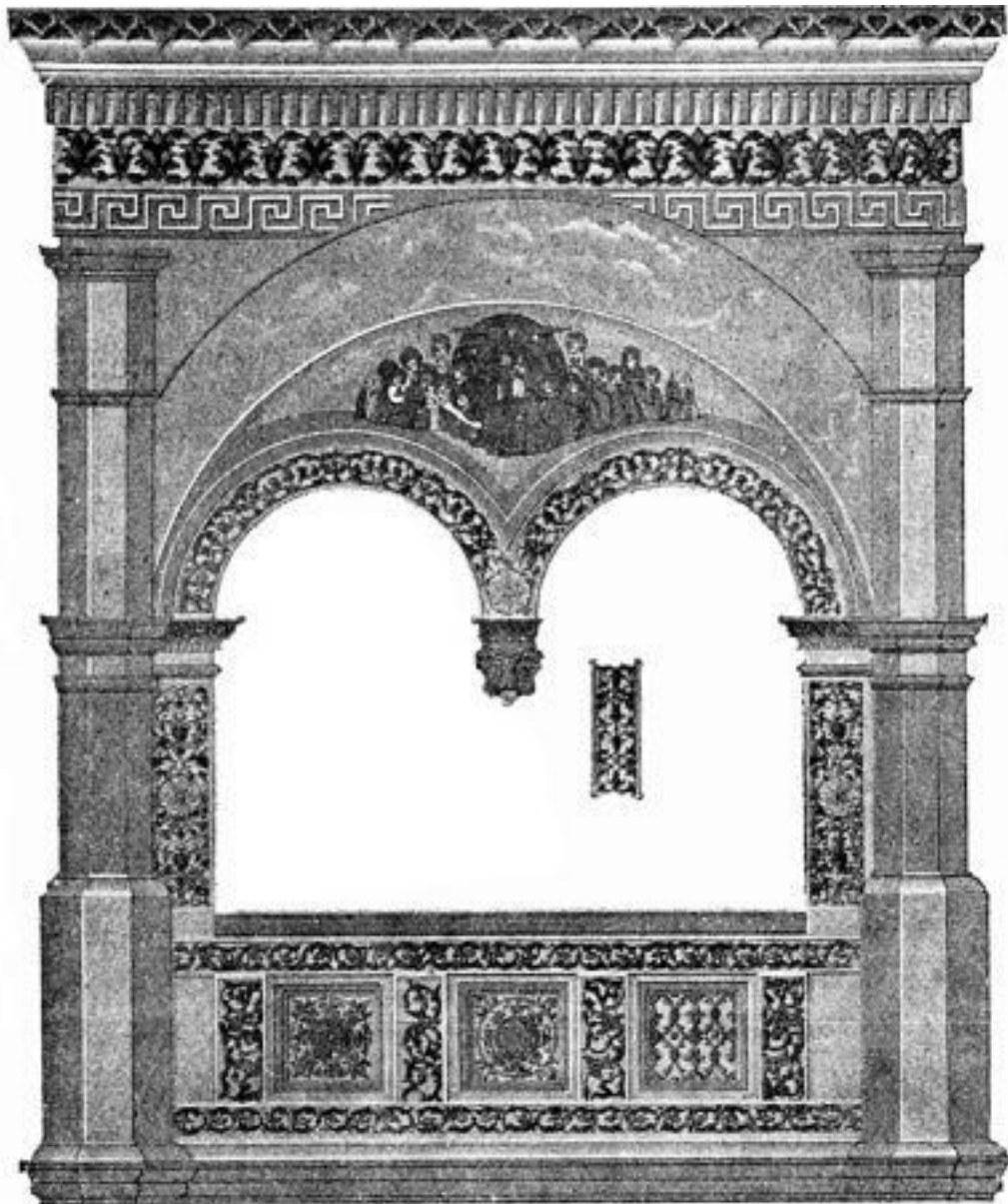
Само собою разумеется, что верхние жила, т. е. чердаки и терема, строились легче нижних ярусов и обыкновенно ставились на стойках или столбах, забирались брусьями или нетолстыми бревнами и обшивались тесом взакрой или вкосяк.

Тем же почти способом устраивались и сени. Они ставились также на стойках, или подставках, и обвязывались тесом с брусьями. Двухъярусные сени ставились на лежнях⁵⁰ на подборе бревнами; подбирать – значило ставить бревна в стену стоймя, что также называлось *забирать в столбы*, так обыкновенно устраивались сени исподние, или подсенье; верхний ярус забирался досками вкосяк. Чуланы в сенях забирались тесом взакрой. Крыльцо в малых клетях устраивалось на выпускных бревнах⁵¹; в больших – на подрубах⁵². Лестницы клали на тетивах⁵³, в которых вставлялись ступени, обшиваемые тесом. В зависимости от высоты клетки лестницу всегда переламаывали, т. е. делали с отдыхами и по сторонам почти всегда *опериливали*, т. е. делали поручни, или перила, с балясами, или решетками. В больших хоромах перед лестницею *взрубали рундук*⁵⁴ на один, на два и на три всхода, о трех или более ступенях. Рундук почти всегда покрывался *шатриком* на точеных столбах, который подбирался тесом вкосяк.

Около двора замetyвали замет, или заплот, т. е. забор. В достаточных дворах забор рубили из бревен в лапу и в замок, скоблили на оба лица, приводили в черту, чтоб щелей и в углах дыр не было. Забор красился воротами, которые устраивались на столбах, или столбцах,

и связывались в один щит, а в достаточном хозяйстве делались створчатые из двух щитов, с калиткою, а нередко и тройные, т. е. с двумя калитками, обшивочные, т. е. обшитые тесом. Почти всегда ворота покрывались тесовою кровлею с полицами, а на князьке украшались резным гребнем или же небольшими бочками и шатриками. По уборке и отделке ворот всегда можно было судить о достаточности хозяина, ибо двор красился воротами, изба – углами, т. е. внутренним нарядом, хоромы – теремом.

Окно Теремного дворца против церкви Спаса

Этих подробностей, которые все, до слова, заимствованы нами из строительных записок XVII ст. (начиная с 1614 г.), весьма достаточно для того, чтоб дать понятие о старинном плотничном деле, а главное – о том, что оно и до сих пор держится на тех же способах и приемах, какие, без сомнения, употреблялись еще в первые века нашей истории. Все плотничные термины сохраняются до сих пор; их почти вовсе не коснулась немецкая, вообще иностранная,

техника, и само производство существует без всякой помощи со стороны ученых архитекторов, которые, если бы захотели, многое могли бы заимствовать из этого технического языка, родного и, следовательно, наиболее понятного для всех источника родных же слов-названий.

Выше мы представили общие, типические черты старинных деревянных построек вообще в Древней Руси и особенно в Московской стороне. Эти же самые черты, только в более широких размерах, повторяются и в хоромы московского великого князя. Мы упоминали уже о Набережном тереме, средней горнице, столовой, гридне и повалушах. По этим названиям можно судить и о прочих частях великокняжеских хором они были совершенно сходны с описанными выше. Уклонения от общего характера были весьма незначительны и обуславливались теми требованиями, которые вытекали из жизни великого князя как государя всея Руси. Вообще великокняжеские хоромы, как древнейшие, так и строящиеся во времена царей, соответственно назначению их в домашнем быту государя, можно рассматривать как три разные постройки.

Во-первых, хоромы постельные, собственно жилые, или, как называли их в XVII веке, покоевые. Они были невелики: три, максимум – четыре комнаты, соединенные друг с другом; одна из этих комнат, обычно самая дальняя, служила постельной, опочивальней, ложницей; возле нее устраивалась крестовая, или моленная; другая имела значение теперешнего кабинета и называлась собственно комнатой, и, наконец, первая по входу именовалась передней, но не в таком смысле, в каком употребляется это слово теперь: эта передняя была приемной; нынешней же передней в древности соответствовали сени, которые в государевых хоромы почти всегда были теплые. Эти сени перед передней назывались обыкновенно передними сенями. Точно такие постельные хоромы были, например, у царя Ивана Васильевича; они находились сзади

Средней Золотой палаты, соединялись с нею и заключали в себе передние сени, переднюю и две комнаты, названные «чердак (терем) Государыни Царицы Настасьи Романовны», потому что над ними высился ее терем⁵⁵. Порядок, в каком комнаты следовали одна за другою, бывал различен; но обыкновенно они располагались так: передние сени, передняя, крестовая, комната, четвертая (считая от передней), или задняя; наконец, сени задние. Иногда за передней следовала комната, потом третья, четвертая, как было, например, в каменном Кремлевском терему. Когда хоромы были в две комнаты, то за передней следовала комната и потом комнатные, или задние, сени. Если в хоромы было больше комнат, чем здесь перечислено, что, впрочем, случалось редко, то все эти комнаты не носили никаких особенных названий; их просто называли: третья, четвертая, пятая и т. д., или, смотря по местоположению, средняя, задняя, сторонняя и т. п.

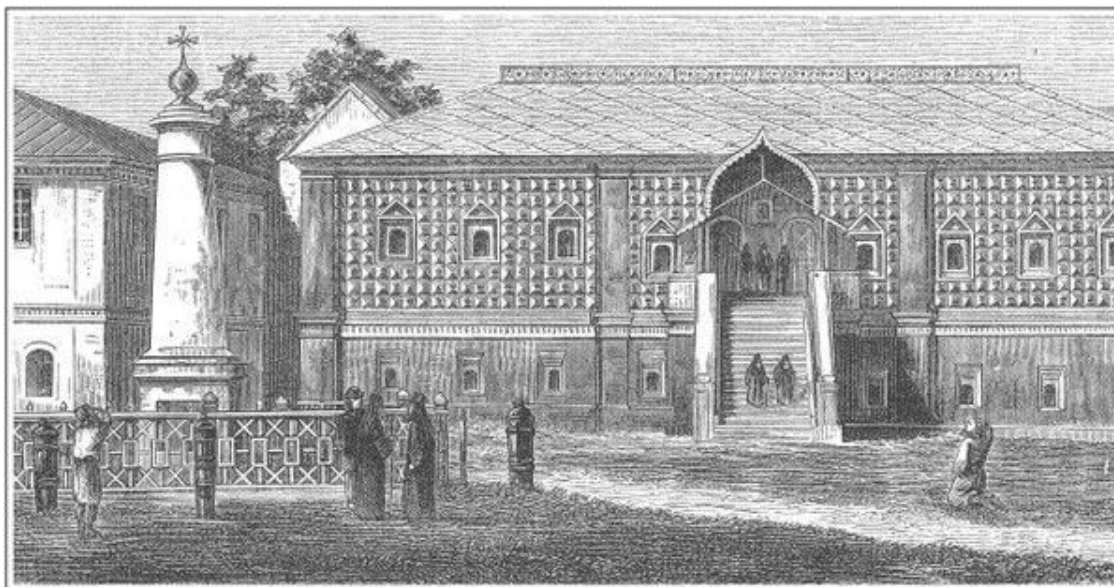
Иногда в комнатах устраивались чуланы, собственно для спальни, имевшие поэтому значение алькова. Вообще же чуланы и каморки, устраиваемые в комнатах и особенно в сенях, составляли, вместе с подклетами, обыкновенные принадлежности постельных хором. Сеник и мыльня, принадлежавшие также к постельным хоромы, соединялись с ними сенями или переходами; мыльня же часто помещалась в подклете. Верхний этаж таких хором составляли светлые чердаки, или терема, с частыми окнами, с гульбищами кругом всего здания, украшенные башенками, прорезными гребнями и маковицами.

Княгинина половина, хоромы государевых детей и родственников ставились отдельно от жилых хором государя и, с небольшими изменениями, во всем походили на последние.

Ко второму типу построек государева дворца мы относим хоромы непокоевые, предназначенные для торжественных собраний. В них государь, следуя тогдашним обычаям, являлся только в важных торжественных случаях среди бояр и духовных властей. В них происходили духовные и земские соборы, приемы послов, давались праздничные и свадебные государевы

столы,— одним словом, это были в деревянных хоромы парадные залы, которым соответствовали разные палаты выстроенного позже каменного дворца. В соответствии с таким назначением хоромы этого типа были больше прочих и стояли впереди хором постельных, которые помещались обыкновенно в глубине двора. Что же касается названий, то эти хоромы не носили особенных имен, за исключением разве гридни, а были известны под общими именами Столовой избы, горницы и повалуши.

К третьему типу принадлежали все хозяйственные дворовые постройки, службы, располагаемые почти всегда отдельными дворами, или дворцами, которым и давались названия, в зависимости от их значения в дворовом обиходе государя. Известны дворцы Конюшенный, Житный, Кормовой, или Поваренный, Хлебный, Сытный и пр. Что же касается великокняжеской казны, заключающейся обычно в серебряных и золотых сосудах, дорогих мехах, дорогих тканях и тому подобных предметах, то великий князь, следуя весьма древнему обычаю, сохранял эту казну большей частью в споях и подвалах, или подклетах, каменных церквей. Так, из летописей узнаем, что казна вел. кн. Ивана Васильевича хранилась прежде в церкви Рождества Богородицы и св. Лазаря, а казна его супруги, великой княгини Софьи Фоминичны,— под церковью Иоанна Предтечи-на-Бору, у Боровицких ворот.

Дворец царя Михаила Федоровича

Мы уже сказали, что правильного, симметричного плана в древних больших постройках не было, поэтому и великокняжеский дворец по своему расположению представлял огромную массу зданий, раскиданных без всякого соответствия в частях. Довольно полное и наглядное понятие о характере древних великокняжеских и царских жилых построек, или хором, дают описания загородных дворцов XVII ст. Из них особенно любопытно описание Коломенского дворца именно потому, что сохранились его фасады и план, которые во многом могут пояснить описание. План обнаруживает, что дворец состоит из нескольких отделений, или особых хором, соединенных между собою переходами и частично сенями; что постройка этих отделений происходила в разное время, в зависимости от необходимости; что постепенно к старым пристраивались новые клетки, избы, избушки, сени, крыльца, переходы, так что целое лишено всякой симметрии и того порядка в соответствии частей, к которому приучены теперешние вкусы строителей. Хоромы, крыльца, переходы разбросаны с мыслию не о правильности плана

или о его красоте, а об удобствах, какие представлялись местом постройки или отношением и зависимостью этой постройки от других отделений дворца.

Со стороны фасада всех построек (с восточной стороны) стояли передние хоромы государевы, состоявшие из пяти жилых комнат, с отдельными сенями при каждом выходе: две впереди – передняя и комната, и три, составлявшие как бы особое отделение, сзади, дальше во двор. Противоположно передней, дальше к северу, стояла большая столовая. Она соединялась с комнатами при помощи весьма больших столовых сеней, над которыми в три яруса возвышались светлые чердаки, или терема, с открытыми галереями, или гульбищами, со всех четырех сторон. Кровля столовой была устроена четырехугольным кубом и на вершине украшена глобусом с изображением орла между львом и единорогом.

Боярская площадка в Московском Кремле (до 1838 г.)

Вид на златоглавый храм Спаса-на-Сенях за Золотой решеткой с лестницей на Боярскую площадку, узорчатое крыльцо с теремами и заднюю сторону Грановитых, или Святых, Сеней

Кровля двух передних комнат крыта бочкою с резным гребнем наверху и прапорцами, или флюгерами. Задние комнаты с принадлежащими к ним сенями покрыты четырехскатною кровлею; над четвертой и пятой был светлый чердак – терем и шатровая кровля, дававшая строению вид башни, тем более что вершина ее была украшена двуглавым орлом. Над рундуками, или отдыхами, площадками крыльца и над сенями возвышались также стройные шатры. Все кровли крыты гонтинами в чешую. Высота этих шатровых строений, или башен, простиралась от 7 до 15 сажен⁵⁶. Нижний этаж хором занимали подклеты, в которых помещались кладовые, жилье для дворовых людей и для стрелецких караулов, находившихся: один возле крыльца, под передними комнатами; другой возле ворот, под столовою.

Еще дальше во двор, за комнатами государя, стояли хоромы царевича с двумя комнатами и с теремами наверху, крытые двумя шатровыми кровлями в виде башен, соединенных в верхних чердаках переходцами. Далее, за хоромами царевича, стояла государева мыленка, а за нею Оружейная и Стряпушие избы. Из мыленки шла лестница наверх, в сени царицыных

хором, которые стояли лицом к северу, сзади хором государевых, и состояли из трех комнат с большими теремами наверху, крытые бочкою, и одну комнату, также с теремами, крытую шатром в виде башни. Обширные передние сени этих хором были покрыты также шатром, а крыльцо – шатром с бочками.

Сзади дворца, с западной стороны, размещались четыре отдельные строения – хоромы старших и младших царевен, каждое из трех комнат, с теремами наверху, с мыленками, стряпущими избушками и другими принадлежностями старого быта, – крытые также шатровыми кровлями наподобие башен. Нижний этаж всех хором тоже состоял из подклетов, которые служили помещением для дворовых людей, для кладовых и для стрелецких караулов.

Хоромы царевен соединялись длинными крытыми переходами с хорами царицы и с церковью. Точно так же переходами соединялись и другие отделения коломенских хором.

Несмотря на то что Коломенский дворец построен в половине XVII ст., он сохранил неизменными все типичные черты древнейших построек и потому, как мы упомянули, может служить характеристикой как древних, так и современных ему деревянных построек. Вкусы и потребности жизни в допетровской Руси в течение целых столетий были одинаковы. Основной мыслью было жить так, как жили отцы и деды, по старине и по *пошлине*, что пошло исстари, как было при отцах, при дедах и при прадедах. И если прапрадедовский кафтан, переходя к праправнуку, нисколько не менял своего покроя, то в отношении жилищ, в их постройке и устройстве, еще неизменнее сохранились старые привычные порядки и предания, тем более что неизменны были потребности и общий уклад жизни и быта, от которых вполне зависели и все их материальные формы.

Мы увидим, что и каменный дворец, построенный на месте деревянного итальянскими архитекторами в конце XV века, нисколько не отличался от привычного. Вместо деревянных были построены такие же, только более большие, клетки, гридни, горницы, названные палатами. Клеть, изба и здесь послужила неизменным образцом, который не допустил связать в одно целое, в один общий цельный план отдельные комнаты нового дворца, как, например, парадные приемные и жилые покои. Они были по-прежнему размещены по образцу хором, отдельно, как размещались во дворах избы и клетки, в зависимости от местного удобства и неизменных требований и условий тогдашнего быта, которые уже заранее указывали места для той или другой постройки. Традиционными оставались даже названия; так, нижние этажи каменных зданий по-прежнему именовались подклетами, хотя были всегда со сводами и только по своему размещению соответствовали подклетам деревянных хором. Крыльца и при каменных палатах сохранили свое древнее значение хоромного крыла и ставились в точном соответствии деревянным крыльцам, каким, например, было крыльцо при Грановитой палате, названное Красным. Но что особенно напоминало древний характер хоромных строений – это переходы или открытые сени, которые и в каменном дворце, из-за отделенности разных палат и зданий, составляли такую же необходимость, как и в хорах деревянных.

Мы сказали, что в конце XV века на месте великокняжеского деревянного дворца воздвигнут каменный дворец. Мысль построить каменный дворец возникла вследствие новых потребностей, вызванных новым политическим положением московского государя. В конце XV века великий князь Московский сделался самодержцем всея Руси; к Москве стали постепенно присоединяться разные области Древней Руси, жившие до тех пор независимо, самостоятельно. Мысль о самодержавии московского государя с каждым днем становилась более весомой, более значимой, а вместе с этим и государев дворец в Москве получал совершенно

другое значение. Прежние формы, прежние обряды великокняжеского быта становились недостаточными в жизни государя-самодержца. Более того, это новое, государственное направление, только что возникшее в Москве естественным ходом ее истории, было приведено в полную сознательность и определенность с приездом в Москву греческой царевны Софьи Палеолог, с которою великий князь Иван Васильевич вступил в супружество. Последствия этого брака, имевшие важное значение в государственном отношении, не менее важны были и в частном быту московского государя: его двор и дворец с этого времени стали постепенно преобразовываться, заимствуя многое от угасшей Византии. Притом этот брак завязал самые тесные сношения Москвы с европейскими государствами; начались частые приезды иноземных послов, прием которых, при новых политических отношениях московского государя, требовал большей церемониальности, большего великолепия; поэтому новый дворец, более обширный и более соответствующий новым потребностям, был необходим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.